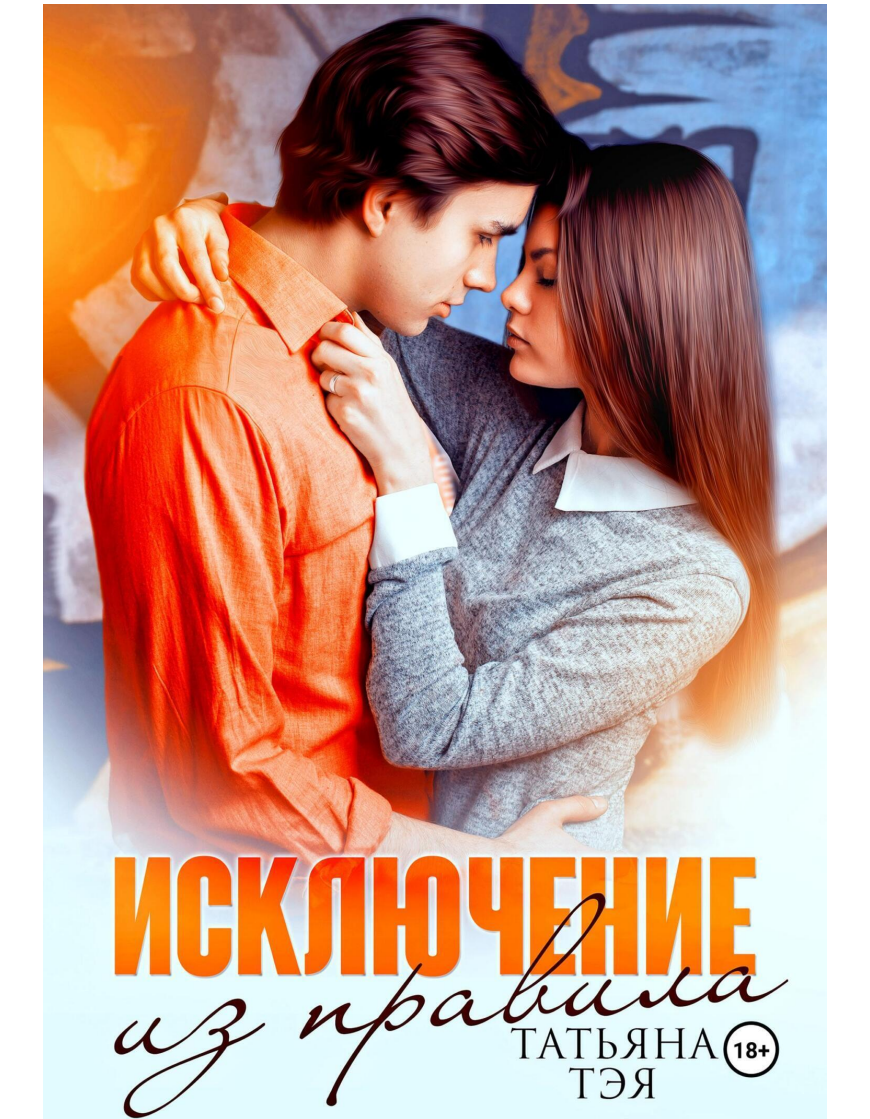

A romantic couple embracing. The man is wearing an orange shirt and the woman is wearing a grey sweater over a white collared shirt. They are looking at each other closely. The background is a soft, out-of-focus mix of blue and orange.

ИСКЛЮЧЕНИЕ

из правила

ТАТЬЯНА
ТЭЯ

18+

Татьяна Тэя

Исключение из правила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72620227

SelfPub; 2025

Аннотация

Он устроил мне тёплый приём и весёлую жизнь в университете. Преследовал и шагу не давал ступить. Но я в большой беде. И помочь мне может только он.

Год назад она прожгла долбанную дыру в моём сердце, и я решил, что отношения мне больше не нужны. Катя пропала, сколько бы не пытался её найти, не мог. И вдруг она... в моём универе... в моей группе!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	59
Глава 6	72
Глава 7	80
Глава 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Татьяна Тэя

Исключение из правила

Глава 1

К апрелю я понял, что учёба на первом курсе – это полная лажа.

И универ, куда меня мать с отчимом запихнули, тоже мне никаким боком не сдался. Я откровенно скучал, и, если бы не тусовка, которая у нас сложилась, давно бы послал эти международные отношения в далёкое пешее.

А ещё я не понимал, почему Тиму, моему сводному брату, можно было учиться в Лондоне, а мне – исключительно в Москве место пригрели.

– Раф, на меня смотри. – Маша тронула мой подбородок, выдёргивая из мыслей. – Ты на кого там уставился?

– Ни на кого.

Реально паялился в никуда, но Машулька решила, что я опять с кем-то заигрываю. Мне по приколу было девчонок смущать, особенно сейчас, когда моя популярность росла. Я постоянно видел эти жадные взгляды, обращённые на меня. Раньше я был просто симпатягой Рафом, а теперь до моего тела мечтало добраться слишком много девиц. И тут от меня не исходило никаких возражений!

Стало понятнее, почему Тим столько времени уделял социальным сетям. Это просто бомба. Несколько видосиков в тренд, и на меня обрушилась волна популярности. А время, потраченное в качалке, лишь прибавило очков. Я ещё и взгляд этот смущённый отработал, так что «фишинг» на скромняшек зачастую проходил очень успешно.

Такие гуляки как Машулька – удобные стервочки – всегда были под рукой, но меня больше интересовали девушки другого плана. С виду скромные, внутри ураган. Стоило лишь переломить их барьер. В прямом и переносном смысле. Барьер. За полгода – две девственницы. Можно было б и больше собрать, но я не связывался с теми, кто после совместной ночи будет от досады сопли на кулак наматывать, понимая, что больше не позвоню. Видите, не совсем я конченный гад. Так, начинающий...

От этих мыслей мне стало смешно.

– И что весёлого? Может, поделишься? – обиженно протянула Маша, не получая желаемой реакции.

Нет, с ней, конечно, комфортно. Было, наверное, комфортно. Потому что ещё недавно она казалась мне ненавязчивой и на всё согласной, принимающей правила игры. Теперь же эти собственнические нотки в её голосе раздражали.

Мы не встречались, а были, как это принято называть, друзьями с привилегиями. То есть спали время от времени, снимали напряжение.

Посмотрев через стол на Макса, моего приятеля, заметил,

как тот выразительно взглядом указывал куда-то за моё плечо. Этот перец был в курсе всех моих дел. Мы как-то моментально спелись и с первого дня учёбы подсели на одну волну. Сразу появилось ощущение, что я его знал всю жизнь, а не последние семь месяцев.

Машулька продолжала что-то лить мне в уши, но я не вникал и обернулся как раз в тот момент, когда Полина, моя последняя цель, замерла в дверях и каким-то болезненным взглядом посматривала за наш столик.

В студенческом кафетерии, в простонародье «Деревяшке», был аншлаг, но мы, наглые первокурсники, с самого начала забили это место под себя и каждый большой перерыв и после лекций зависали здесь.

Я улыбнулся Полине, отвёл на секунду взгляд и вернул обратно. Чёрт, она тут же вспыхнула, на щеках заалели два ярких пятна. Боже, как мало им надо. Всего-то стрельнул глазками, изобразил смущение и интерес, и всё, девушки таяли, как пломбир, текли, как сладкий мёд. Не все, конечно. А девчонки определённого толка, без опыта отношений, но очень хотевшие этот опыт заиметь. Я тоже хотел поиметь, только не опыт, а их самих. Ладно, наличие невинности даже не обязательно, просто нравилось переламывать деланное сопротивление у скромняшек.

Полинку кто-то толкнул, из рук у неё выпал рюкзачок и ручки с тетрадами. Смущенная донельзя она опустила на пол, чтобы всё своё добро собрать. Ну а я, как самый галант-

ный джентльмен и спаситель, подошёл оказать ей первую помощь.

Парочка златовласок у стойки проводила меня заинтересованными взглядами и зашушукалась, я им даже коротко улыбнулся. Ни для кого в универе не было секретом, кто такой Раф Филатов, кто его отчим, и какой у него аккаунт в социальной сети, где число подписчиков плавно приближалось к четырём миллионам. Всего-то за полгода!

– Ой, Раф! – воскликнула Полина, когда присел рядом, чтобы пихнуть тетради в рюкзак.

В этом вскрике было всё: и радость, что я подошёл, и шок, что вообще это сделал.

Людской поток, вливавшийся и изливавшийся из кафетерия, обтекал нас, как вода в ручье, огибающая камни. И я не спешил подниматься. Мне нравилась сама ситуация. Чувствовал себя грёбанным актёром на сцене провинциального театра. Такая малость, а девчонка уже пищала от восторга. Что же дальше будет? Я всего неделю её пас.

– Поля, ты не ушиблась? – мягко уточнил, возвращая книгу, но не позволяя забрать, когда она потянула её на себя.

У малышки был бейби-фейс сердечком и мягкие пухлые губки, которые хотелось поцеловать. Ещё бы одевалась моднее и вела себя более раскованно – цены бы не было. Но, может, у неё просто опыт отсутствовал? И я был готов ей этот опыт предоставить, только бы решилась и врубила мне зелёный свет. А дальше я не разочарую. Первый раз будет слад-

ким, приятным, незабываемым.

– Посидишь с нами? – предложил я. – А то ты одна, – заметил следом.

Полина облизнула губы чуть нервно.

– Да неудобно как-то, – посмотрела в сторону Маши, метавшей молнии взглядом.

Она тянула сок через трубочку и палила нас, прищурившись с подозрением.

Маша находилась на постоянной в тусовке и только потому, что у меня к ней было особое отношение. Другие же девицы то вливались, то также технично выливались из компании.

– Чего неудобного? Ты же со мной.

И это «ты же со мной» заставило Полю хихикнуть и посмотреть в пол, чтобы залиться румянцем больше прежнего. Не-е-е, ну она просто восхитительно конкретно под села на меня.

Я аж плечи невольно расправил, а потом заметил, как женская нога в туфлях на небольшом каблучке наступила прямо на Полину ручку, всё ещё валявшуюся на полу, и поехала вперёд.

Ни о чём не думая, я схватил эту ногу за лодыжку и быстро выдернул ручку из-под подошвы, предотвращая катастрофу.

Девушка замерла, чуть покачнулась, но равновесие сохранила. Только нелепо дрыгнула ногой, пытаясь выпутаться. А моя ладонь, будто дуга наручников, обхватила её лишь сильнее.

Тут меня словно током прошибло. Пальцы, отказывающиеся разжиматься, аж закололо. Я так и задрал голову, пытаюсь разглядеть, кого поймал, но лампа, висящая прямо над нами, оставляла лицо незнакомки в тени. Ещё и волосы её тёмные, рассыпавшиеся по плечам, всколыхнулись, закрывая щёку, когда девчонка отвернулась.

– Аккуратнее, – ничего умнее мне в голову не пришло.

Ещё и сказал каким-то не своим голосом: хриплым, неродным.

Та ничего не ответила, лямку сумки на плече поправила, дёрнула ногой, пытаюсь высвободиться, и я отпустил. Глупо было бы, если бы нет. Вообще ситуация нелепая и ощущения странные, потому что мне казалось, где-то я уже эту темно-волоску видел.

Подорвавшись, я поднялся, но девушка поспешно засемила вперёд, практически побежала. Всё что мне оставалось: пялиться на худенькие плечи под серым свитером и свободную юбку до колена, которая даже задницу не обтягивала. Ну кто так одевается? Как в мешок какой-то завернулась. Лодыжка однако у неё была тонкая и изящная. Я почти в кольцо пальцев её щиколотку заключил.

Вспомнив, как девушка ногой дрыгала, пытаюсь освободиться, внезапно иррационально разозлился. Если б не я, она тут ламинат носом пахала, возможно, вплоть до ринопластики. Так что я спас её честь и банковский счёт родителей, а она просто слилась. Как серая мышь.

– Эй! – Возмущённо я развёл руками.

И это «эй» привлекло всеобщее внимание. Голоса тех, кто меня услышал, чуть стихли.

– Не, ну а где моё спасибо, что не дал упасть? – крикнул я на всё кафе.

Девчонка вздрогнула и обернулась. На долю секунды. Чтобы бросить короткое и звонкое:

– Спасибо.

И если прошлый раз мне показалось, что меня током прошибло, то сейчас поперёк груди пронёсся длинный товарняк.

* * *

Не знаю, как не кинулся следом за девчонкой. Хотя нет, я сделал несколько шагов в её сторону, даже про Полечку позабыл, ещё сидящую на полу. Да только Катя, – это всё-таки была Катя, да? – уже вышла из кафе через другую дверь.

Интересно, она узнала меня?

Потому что я точно не обознался. Определённо. Без вариантов.

Меня прошиб внутренний смех. Стоило ли тратить несколько месяцев на тщетные поиски, чтобы столкнуться с ней в собственном универе? И почему мы раньше не встречались? Полтора семестра прошло, а я впервые её увидел!

Я всё же взял растерянную Полину за руку и утянул к нам за столик. Только сидел, погруженный в свои мысли. Даже

Макс вопросительно на меня поглядывал, не понимая, что произошло.

«Позже», – произнёс я одними губами.

Он кое-что знал из той истории, как-то я выболтал лишнего, когда мы напились. Он тогда предложил забить, что я успешно и делал. Но, как говорится, невозможно до конца вколотить гвоздь, если с самого начала криво пошло.

Высидел я буквально с полторы минуты максимум, а потом вскочил и подорвался к противоположному выходу, и припустил по коридору, всё-таки надеясь догнать Катю, но, конечно, той и след простыл.

– Чёрт! – стукнул кулаком по стене, ругая себя за эти метания-страдания.

Надо было сразу идти, хватать за локоть, вытряхивать всю душу и признания.

Больше всего на свете не любил, когда меня дурят. А она обдурила, ещё и чёртову рану в груди оставила размером с гигантский кратер. Если бы нормально поговорили, так нет, с ней нормально не получилось.

Может, встретиться мы лет через пять, я бы и думать уже об этом забыл, но сейчас, когда прошло чуть больше года, эмоции всколыхнулись по новой.

Тут же возник вопрос: а она обо мне думала?

Судя по тому, что даже внимания не обратила, не особо. Ничего, мы это исправим. Я ещё до неё доберусь! Поселюсь в голову, в мозгах, а, может, даже и под юбку залезу. Дурацкую

эту юбку, немодную, никакую словом.

Не то чтобы Катя как-то раньше по-особенному стильно одевалась, но в тряпки на несколько размеров больше не заворачивалась.

От этих мыслей я разулыбался и почувствовал приятную тяжесть в паху. Прошедший год меня изменил. Я больше не тот страдающий романтик. Да и опыта прибавилось. И цинизма немного.

Заложив руки в карманы, подошёл к широкому окну и посмотрел на курсирующий этажом ниже народ. Мне показалось, увидел её. Но сейчас я пребывал в таком состоянии, что мог принять желаемой за действительное очень легко.

«Позже, – решил я. – Всё выясню позже».

К тому моменту, как вернулся за столик, там бушевал ураган. Только Макс, напустив свою кудрявую чёлку на глаза, от которой, к слову, млела вся женская половина нашей группы, взирает с большим любопытством на происходящее. Для полноты картины ему только попкорна в руках не хватало.

Машка, разобидевшись на мой игнор, принялась задирать Полю и всячески демонстрировать, что она, дескать, тут на особом положении.

Пришлось пресечь эти жалкие попытки заявить на меня права, а позже и напомнить, что мы не встречаемся, чтобы не забывалась.

– Да при чём здесь встречаемся, не встречаемся... мне девочку жалко, – кинула Маша, – вскружишь ей голову и в ку-

сты.

– Это уже мои дела, кому голову кружить и в какие кусты бежать.

Кивнув ключи от тачки Максу, я пошёл провожать Полечку. Не прошло и минуты, как приятель оттекстовал в мессенджер многозначительно:

«Твои бабы когда-нибудь поубивают друг друга».

Мне оставалось лишь усмехнуться.

Полина семенила, прижимая тетради к груди, и поглядывая на меня в смущении.

Конечно, от неё не ускользнуло, что её кавалер стал отстранённым, и тут с каким-то самодовольством я заметил, что она занервничала. Будто я был желанным уловом, который ускользал из ручек.

Ах, эти наивные девушки: сначала отталкивают, держаться как бы равнодушно, а стоит снизить градус интереса, начинают нервно ёрзать на подкаченных ягодицах, будто матрица их восприятия даёт сбой. Привыкла ведь уже, глупышка, к моему вниманию.

Она нервно теребила кончик пшеничных волос и, видимо, собиралась что-то сказать.

– На следующей неделе вечеринка. Пойдёшь со мной? – привёл я свой план в исполнение.

Ведь именно с этим предложением собирался к ней подкатить. На вечеринке можно было нехило сблизиться, а, можно было, и двинуться дальше. С прошлой рыбкой именно так

и вышло. Она прямо в спальне наверху, пока на первом этаже загородного дома гулял народ, резво выпрыгнула из трусиков и присела на меня. Я даже прифигел от этой прыти. Темперамент, чтоб его...

Мы зажигали всю ночь, через недельку ещё раз повторили и закрепили результат, а потом интерес как-то пропал. Я сорвал её цветочек, а она получила местную звезду в качестве дефлоратора. Кажется, никто в накладе не остался. Я был предельно внимательным.

– А где будет проходить?

– За городом. Дом снимаем. Как всегда. Ты бывала когда-нибудь на таких тусах?

– Ни разу.

– Тебе понравится, – наклонился я и прошептал ей эту фразу на ухо с определённым подтекстом.

Что ей понравится: вечеринка или то, что, возможно, произойдёт между нами позже, пусть сама придумает.

После занятий мы частью большой тусы завалились ко мне, погудели часика три и все лишние люди свалили по домам. Ни у меня одного хата была приличного размера, но почему-то всё чаще народ предпочитал зависать на моей территории.

Однотипники насиловали дорогую стереосистему каким-то второсортным музоном, а ещё сделали набег на мини-бар, который я затарил под завязку буквально на прошлых выходных. Ненасытные.

Мы много ржали, обсуждали всякое, строили планы на окончание первого курса, но я будто выпал из реальности.

То и дело думал о своём, а иногда даже и пропускал вопросы мимо ушей, так что порой ко мне обращались по нескольку раз за ответом.

Мысли всё чаще уносились на год назад, и я понимал, что Катя стала для меня чем-то вроде навязчивой аллергии. Забралась под кожу и вызвала дикий зуд в одном месте впере-мешку с раздражением. Оставалось надеяться, что это не перейдёт в хроническую стадию.

Мне надо её поймать, иначе, блин, взорвусь.

Толпа троглодитов сожрала весь заказ из пиццерии, так что я быстренько дооформил новый для нас с Максом и Машки, которая также решила задержаться на подольше.

Служба доставки сработала быстро. Я отнёс коробки с пиццей в гостиную, а за стаканами сходил к барному уголку. Только достать не успел, Маша перехватила и утянула за собой в сторону ванной. Макс проводил нас каким-то ироничным взглядом.

– Ты чего?

– Ш-ш-ш.

– Ты куда? – попытался её притормозить.

– Тихо, Раф.

– Маш...

– Ш-ш-ш, – она приложила палец к моим губам. – Ты какой-то напряжённый, а я умею расслаблять.

Дверь ванной за нами захлопнулась, и Маша закрыла её на защёлку.

Напряжённый я, блин, аж самому смешно. Напрягся так нехило из-за сбежавшей от меня стервы. Год её пытался из головы вытряхнуть, даже думал, что успешно. Да не тут то было. Увидел... мельком, конечно, но увидел, и всё... поплыл в далёкие дали.

Пока предавался размышлениям, Машка уже опустилась на колени, расстегнула мне джинсы и принялась за работу. Оставалось только намотать длинные тёмные волосы на руку и представить совсем другую на её месте. Брюнетка и брюнетка, как удобно. В темноте-то и не разберёшь.

Если бы... вздохи, движения, даже, чёрт, запах духов – всё отличалось. И в замкнутом пространстве ванной комнаты эту разницу я ощущал вполне чётко.

Когда всё закончилось, и Маша встала на ноги, прижалась ко мне всем телом и чмокнула в губы, мне впервые захотелось отвернуться, ну и сходить в душ, чтобы избавиться от её липких прикосновений. То, что раньше заводило, вдруг по щелчку пальцев стало неприемлемым, отталкивающим.

Впервые в голове возникла мысль: а зачем?

Я оставил Машу, сам вернулся в гостиную, где в плейстейшен рубился развалившийся на диване Макс.

Он ничего не сказал, лишь снова одарил странным, даже каким-то слегка сочувствующим взглядом. Этого перца мало чем вообще можно было смутить.

Я схватился за телефон, полистал ленту социальной сети с минуту, потом снова отбросил его. Чёрт! В голове каша. Оргазм никакой разрядки не принёс. Наоборот, тело напряглось ещё сильнее. Потому что там со мной была не она. Не Катя. Не предмет моих фантазий.

– Ты помнишь, что твой брат говорил? – вдруг сказалу Макс.

– А? – я поднял голову со спинки дивана и уставился на друга. – Когда?

– Ну, зимой. Помнишь, они с Томой приезжали?

Тим, мой абсолютный сводный брат, постигающий азы бизнеса в Лондоне, действительно прилетал со своей девушкой на зимние каникулы, и мы протусили пару дней в загородном доме родителей Макса, которые отвалили на какие-то экзотические берега с его младшими сёстрами.

В первый вечер мы засиделись до глубокой ночи. Вернее, Тома, проявив деликатность, ушла спать, а мы остались болтать о всяком своей пацанской компанией.

– Ну и что он сказал?

– Что рано или поздно они, – Макс кивнул в сторону коридора, – становятся слишком навязчивыми и теряют берега. Девушки всегда хотят большего, чем говорят. У них мозг по-другому работает. Так что заканчивал бы ты с Машкой развлекаться.

– Но ты тоже развлекаешься, снимаешь девок в клубах.

– Это другое. В клубе каждому понятно, кто туда и с какой

целью пришёл. Кто просто потанцевать, кто нажраться, а кто снять пару на ночь. Маша ещё даст прикурить, поверь мне. Тим ведь тоже про какую-то королевешну рассказывал, которая не смогла отличить секс-физкульт-минутки и снятие напряжения от свиданий. И он проблемы поймел, так?

Я махнул на него рукой.

– Тут другое.

– Ога-ога... – покривлялся Макс.

Вернувшаяся вскоре Маша, подошла со спины, обвила мою шею руками и поцеловала коротко в макушку.

– Я у тебя останусь, домой уже поздно ехать. Ладно?

Мы обменялись с Максом многозначительными взглядами. Его глаза как бы транслировали мне: «ну, и что я говорил?»

– Я спать. Устала что-то.

По ходу Маше и моё согласие не было нужно.

Через пару часов Макс ушёл. А я, приняв душ, лёг во второй спальне, потому что не хотел идти к себе и напариваться там на Машу. Но она спутала мне все карты. Заявилась сама, прилегла сверху и увлекла в горячую прелюдию. Ну и как остаться невозмутимым, когда по тебе елозит обнажённое женское тело? Ладно, я не железный, да и потом она так постаралась для меня в ванной, что тоже заслуживала немного внимания с моей стороны.

Правда, проваливаясь в сон, я всё-таки решил, что надо с ней завязывать, а то действительно, берега начинали терять-

ся.

Утром я довёз Машку до дома, где она бодро переоделась и прыгнула обратно ко мне в машину.

– Боже, сегодня только вторник, – протянула она.

– И Карпович с его хренаждународными отношениями, – сверился я с расписанием, подумывая, а не зайти ли мне сначала на кафедру, не проверить ли списки, вдруг знакомые имя с фамилией мелькнут?

А если она на другой кафедре? Другом факультете? Тогда что делала в нашем корпусе? У нас там ограниченный набор направлений.

На месте не сиделось. Я будто снова напал на след, взял кончик ниточки, и очень хотелось уже смотреть её в клубок.

На кафедре меня однако развернули со словами, как хорошо, что вы зашли. Видно методисту было неохота бежать до кабинета и лично сообщать, что Карпович задерживается как минимум на час.

Изучение списков пришлось перенести и идти к группе, а, вернее, к потоку. Потому что на занятиях Карповича в большом лектории нас обычно сидело овердофига.

Дверь за моей спиной закрылась с громким хлопком, привлекая всеобщее внимание. Разговоры смолкли, но, увидев, что это не профессор, возобновились вновь.

– Ещё час чилим, – завлекающим шёпотом объявил я, шагнув на место лектора и включив торчащий из стойки микрофон. – Задерживается наша звезда.

Повернув колёсико, обрубил звук.

– Е-е-е! – раздалось радостно со всех сторон.

А я окинул зал взглядом, спрыгивая с возвышения, и чудом удержался на ногах. Потому что коленки автоматически подогнулись, стоило наткнуться на знакомое лицо в третьем ряду.

Катя смотрела на меня во все глаза. На ней снова был этот дурацкий серый безразмерный свитер, а распущенные волосы заложены за уши так, что выделялись острые скулы. Где её извечный румянец и розовые щёки? Всё пропало. Но то, что это она, сомнений не было. Тёмные бездонные глаза смотрели на меня с некоторым шоком и настороженностью.

Правильно, мышка, меня стоило опасаться. Второй раз я на одну и ту же удочку не попадусь. И то, что мы не доиграли, требовалось завершить.

Засунув руки в карманы, я напустил на себя самоуверенный вид, прикусил губу, отвёл взгляд и вернул обратно, прекрасно зная, как это действует на девушек. Но Катя сидела, словно истукан, и по-прежнему, не моргая, смотрела на меня.

Наблюдала, как приближаюсь к ней. И задирала голову по мере того, как подходил.

Я не остановился, пока мои колени не упёрлись в её стул. Стоял слишком близко, что она невольно отпрянула и чуть не навернулась, так как слева от неё была пустота.

Наклонившись, я опустил правую руку на столешницу, а

левую на спинку Катиного стула. В этот момент я не видел никого, кроме Виноградовой. Кроме её огромных испуганных и слегка обиженных серых глаз. И бешено стучащей тонкой венки на виске.

Девчонка волновалась.

И это было правильно.

Усмехнувшись, я склонился ещё ниже, приближая наши лица.

– Ой, и кто это у нас тут такой интересный появился, а?

Глава 2

Катя вздрогнула, и я уловил, как заскребли каблучки её туфель по полу, когда она пыталась отодвинуть стул, который я держал мёртвой хваткой.

Улыбнувшись уголком рта, покачал головой, мол, даже не старайся, и она прекратила.

Наконец на её щеках зажглись два болезненных розовых пятна, демонстрируя крайнее смущение. А мне хотелось её доконать: сделать объектом всеобщего внимания. Поэтому я в полный голос, так, чтоб каждый в этом грёбанном зале меня услышал, произнёс:

– У нас тут свежие лица! Посреди второго семестра! Ну, не чудо ли чудное! Давайте поприветствуем новенькую? Тебя как зовут?

Обычные слова, но в каждом сквозила неприкрытая издёвка. Так что мой посыл был услышан, и по аудитории пронёсся неровный шёпоток.

Напустив на себя любезный вид, я придвинулся ещё ближе.

Катя поджала губы, ничего не отвечая.

Она, конечно, могла сказать: «что ты мелешь, Раф? Мы же знакомы». Но почему-то не стала этого делать. Лишь тихо, так чтобы слышал только я, промямлила:

– Ты и сам знаешь.

Да, кое-что я знал, но не всё. Основное, вернее, а остальное мне ещё предстояло выяснить. И я докопаюсь до истины, чёрт её дери!

– Ну, отвечай! Или язык проглотила? Сейчас поставлю тебя на стул, и будешь приветственную речь всей аудитории читать, – ухмыльнулся я. – Про вежливость что-нибудь слышала? Мы тут быстро научим, как себя вести надо, да?

Несколько пацанов за моей спиной довольно хмыкнули. Видимо, у всех имелись свои представления об уроках любезности, а кто-то ждал хлеба и зрелищ. И я был готов им их предоставить. Настроение как раз поднялось до подходящего уровня.

У меня, конечно, кое-что ещё поднялось, вернее, стремилось подняться. Потому что видеть Катю так близко, вдыхать запах её волос и тонуть в серых бездонных глазах – это то, что я представлял себе сотню, нет, тысячу раз за прошедший год.

Чёрт, у меня на неё пунктик. И надо поставить галочку. И успокоиться, в конце-то концов.

– Давай поднимайся, приветствуй новых друзей. Оль!? – крикнул я старосте. – Знакомились с ней уже?

– Не успели, – отозвалась Соловьёва и быстро попыталась замять конфликт. – Это Катя Виноградова. Она на самом деле у нас с первого дня числится в списках. Просто не ходила. Привет, Катя, надеюсь, тебе у нас понравится.

Сказать, что информация ошарашила – это ничего не ска-

зять. Мне незачем было смотреть список группы. Численность – последнее, что меня интересовало в универе. Однако, возможно, заглянув в него в сентябре, я бы нашёл эту мышку ещё раньше, до того, как она сама к нам пришла. Впрочем, мало ли Екатерин Виноградовых на просторах нашей необъятной родины? Где-то около семи тысяч в популярной социальной сети, в которой я уже не раз рылся, пытаюсь обнаружить следы конкретно этой. Одной единственной в своём роде.

– Ой, ей понравится, ей очень понравится... – многообещающе произнёс я, и Катя вспыхнула, а народ рассмеялся.

– Так ты ещё и прогульщица. Где же ты, Екатерина Виноградова, шаталась целых восемь месяцев?

В этом вопросе был подтекст: на самом деле гораздо больше, почти тринадцать. Последний раз мы виделись в первых числах апреля аж прошлого года.

– Не твоё дело, – шепнула она, чем привела меня в тихую ярость.

– Что? – встряхнул я её стул так, что Катя вцепилась в столешницу.

Жаль на задницу на пол не слетела. То-то было бы зрелище. Она у моих ног.

Катя не стала повторять, лишь резко поднялась, оказавшись со мной лицом к лицу. Пришлось ей, конечно, задрать подбородок. Потому что во мне росту было целых сто восемьдесят три сантиметра, а в ней чуть больше ста шестиде-

сяти. Раньше я тащился от этой разницы, да и сейчас, чего уж скрывать, тоже.

Одной рукой вслепую она нашарила тетрадь позади себя и попыталась протиснуться в проход между рядами. Только я двинул бёдрами, вжимая её в стол. Соприкосновение было очень интенсивным, и я невольно начал возбуждаться, а Катя судорожно вздохнула и, извернувшись, всё-таки высвободилась из моего плена.

– Ой-ой... – бросил ей в спину. – Карповича пропускать не советую.

Под редкие смешки она двигалась к двери, пока не скрылась за ней, а я нога за ногу вышагивал следом.

– И что, ты за ней побежишь? – отвлекла меня Маша, делая вид, что ей всё равно.

– А почему бы не побегать? Я ведь в роли преследователя, а не жертвы. Кошки-мышки, версия восемнадцать плюс.

Маша лишь пожала плечами и обменялась выразительными взглядами с девочками. У её подруги Маргоши так глаза сверкнули, что я решил, она была бы не против, если б я с ней немного поиграл.

А вот парни, сидевшие поблизости, до которых донеслись мои слова, одобрительно заулюлюкали.

– Загоняй новенькую в двести пятую, там кабинет на ремонте, – кинул кто-то в спину советом.

Мне вообще пофиг было, поэтому я особо на них внимания не обратил, резво выскочил из аудитории и размаши-

стым шагом двинул следом за Катей. Далеко она убежать не успела. Оглянулась через плечо, приготовившись юркнуть к выходу на лестницу, но я схватил её за руку и потащил к тому самому двести пятому кабинету.

Стерва упёрлась пятками в пол, но я дёрнул так, что она наклонилась и полетела вперёд. А дальше уже дело было за техникой: схватить поперёк талии брыкающееся тело и закинуть в открытую дверь. Без церемоний.

В зале было темно и пыльно. Жалюзи опущены, старый паркет снят, столы сдвинуты к противоположной стене.

– Ты обалдел? Что ты себе позволяешь?!

– Что хочу, то и позволяю.

А дальше пошла игра. Я её трогал, а она отбрасывала мои руки, разбивала захваты и пятилась, сама того не подозревая, что загоняет себя в угол.

– Я обращусь в администрацию.

– Я тут и есть администрация. Тебя ещё не успели просветить?

– Много на себя берёшь.

– Беру столько, сколько считаю нужным.

Наконец, она наткнулась спиной на стену и замерла. Даже в полумраке я уловил панику в её глазах.

– Раф, пожалуйста, это на тебя не похоже.

– А что похоже? – склонил я голову к плечу. – Ждать тебя впустую целый день? Обрывать телефон? Сидеть у твоей двери до утра, как преданный пёс, надеясь, что ты вернёшь-

ся?

Может быть, мои слова чуть-чуть её прошибли. Катя виновато опустила взгляд и пробормотала:

– Я не могла прийти.

– Я видел, как ты не могла. И почему... – прищурившись, произнёс я, а потом протянул руку, откидывая волну тёмных волос с её плеча.

Опустил пятерню ей на шею, легонько сжал и шагнул ближе.

Катя судорожно сглотнула, я ощущал её внутреннюю дрожь, и мне бы хотелось, чтобы она была от желания, а не от страха.

– За тобой долг.

– Какой?

– Дашь мне, и я отстану.

– Чего? – она нервно рассмеялась, будто я ей предложил опереться локтями об стол и задрать юбку прямо здесь.

– Ну ты чего мнёшься? Антохе-то дала, а я чем хуже? Пока я там за тобой с цветущими бегал, развлекались за моей спиной. Понравилось меня дурить?

– Раф, ты бредишь!

– Ирония судьбы, не находишь. Ты и я в одном универе. Не ожидала?

Она буквально вжалась в стену, стремясь быть как можно дальше от меня.

– Чего уж точно не ожидала, что ты станешь таким гов-

нюком.

– А тебе говнюки не нравятся? Говорят, девочек это заводит.

– Не знаю, кого это заводит. Точно не меня.

– А тебя что заводит?

Положив руки ей на талию, привлёк ближе, отдирая её спину от стены. Катя однако так отклонилась, что впору было упасть в сальто назад.

– Ну, поделись ценной информацией.

Виноградова шумно выдохнула, нервно сглотнула и бросила короткий взгляд вниз. Ага, почувствовала, значит, что у меня там на неё уже стоял. Закономерно, в общем-то. Я от одной мысли о ней возбуждался, а тут сама ко мне в руки попала. Я и контроль потерял. Мой чёртов триггер.

– Ну когда я был вежливым, ты всё спустила в слив. Может, другим я тебе больше понравлюсь?

– Нет, Раф, не понравишься.

– Да вам, Екатерина, не угодишь.

Наклонившись, я прижался губами к её уху, а руку положил на ягодицу и легонько сжал.

– Ну давай, никто не зайдёт, а? Мы по-быстрому.

У меня аж голову повело, будто это действительно могло случиться, хотя я прекрасно понимал, что всего лишь дразню. А вот Катя, видимо, восприняла слова на полном серьёзе, потому что на полном же серьёзе принялась трепыхаться в моих руках, пытаясь вырваться. Пришлось даже развер-

нуть её к стене лицом, прижаться пахом и скользнуть рукой под юбку.

Я успел добраться только до середины бедра, потому что острый локоть, врезавшийся мне под дых, остановил это приятное путешествие по стройным ножкам.

– А ты забавная стала, – рассмеялся я.

– А ты... а ты... – она возмущённо дышала, не в состоянии придумать продолжение.

– Ну? – подтолкнул я.

Катя покачала головой, подхватила сумку, которую до этого уронила на пол и прошествовала к выходу.

Я пока не стал её останавливать, пусть бежит, мышка. Всё равно далеко не получится.

* * *

В заполненную студентами аудиторию я вернулся под громкие смешки и расспросы: «ну как всё прошло?» Без лишних комментариев я просто положил руку на ремень и сделал вид, что что-то там дозастёгиваю. Нужные выводы были произведены, а улыбка на моём лице была широкой и искренней.

Потому что перепалка с Катей меня завела, где-то внутри я уже предвкушал, сколько ещё пикировок нам предстояло, прежде чем я всё-таки сломаю её. Я ведь действительно собирался ломать её: долго, упорно, с настойчивостью. Добьюсь своего. Она так дрожала, и я не мог утверждать, что это сто процентов от страха. Она тоже меня хотела и помни-

ла, как у нас всё было.

Правда, вспоминая, как начиналось, я чувствовал горечь и разочарование. Развела меня, как наивного лоха, а сама за моей спиной с моим же другом. После даже сил не нашла во всём признаться. Просто исчезла с радаров. Гадина такая!

Но ничего, мы ещё доиграем, что не доиграли. Это я твёрдо решил.

Макс поддел меня плечом, когда я сел рядом.

– Что за представление было?

– А тебе понравилось?

Друг пожал плечами.

– Не то чтобы очень.

– А чего так?

– Я серых мышек не обижаю. Знаешь, гораздо интереснее сражаться с достойным противником. Тем, кто ответить может.

Я с чувством усмехнулся.

– О-о-о, поверь мне, она достойный противник. А вот это всё, – я сделал неопределённый круг рукой, – всего лишь образ. Катя кто угодно, но не серая мышка.

– Катя? – Макс вопросительно поднял бровь.

– Катя. Та самая Катя, – уточнил я, роняя голову на сложенные руки.

Раздражение какое-то накатило. Катя... Ещё б Катюшей назвал. Стерва она, вот кто. И иного обращения не заслуживает.

– Та самая? Вот, прямо, та самая? – давил Макс. – Но как?
– Знал бы я сам как, поделился бы.

А дальше к нам подседа Машка, и разговор пришлось прекратить. Я на Макса так выразительно взглянул, чтобы он понял, при этой курве ничего не обсуждать. Растреплет ведь.

Маша ещё будто возжелала позлить меня. Оплела плечи Макса руками, опустила подбородок на правое, даже порядок на Максовой кудрявой голове пыталась навести. Зелёные глаза друга сверкнули дьявольским блеском и бездной иронии. Он ведь тоже прекрасно понимал, для кого и почему весь этот спектакль.

Я сделал вид, что мне всё равно, и отвернулся. Хотя почему сделал? Мне действительно было фиолетово. Мысли оказались заняты другим... то есть другой. Где она? Куда ушла? Почему не вернулась? Миллион вопросов, словом.

Профессор Карпович так на лекцию и не явился, что было, в общем-то, полнейшим нонсенсом. Особо обнаглевшие студенты стали разбредаться из аудитории, а за полчаса до перерыва и мы свалили, чтобы дойти до «Деревяшки» и накачаться кофеином. Только там нас поджидал сюрприз.

Глава 3

«Боже, это точно Раф?»

Именно эта мысль крутилась в голове, потому что парень, который загнал и зажал меня в тёмном пустом лекционном зале, почти ничем не отличался от Рафа, с которым я познакомилась год назад. То есть, визуально не отличался. А поведение... ну, поведение, мягко говоря, было каким-то нетипичным.

Интересно, он играл? А если играл, то когда? Сейчас? Или год назад?

Его образ, который я держала в голове на протяжении долгих месяцев, как-то помогал двигаться вперёд и согревал тёплыми воспоминаниями.

Сейчас же меня будто ледяной водой окатили.

Раф за тот головокружительный короткий период, который мы провели вместе, всегда проявлял учтивость, заботу и внимание, а тут без всякого стеснения облапал, ещё и предложил, как он выразился, «дать» прямо здесь и сейчас, если хочу, чтобы он отстал.

А тот спектакль, который он учинил перед всей группой, нет, перед потоком! Вот, блин...

Я прижала холодные ладони к пылающим щекам. Ужасно. Теперь обо мне начнут шептаться. Не хотелось быть объектом сплетен. И объектом внимания Рафаэля уж тем более.

Господи, какой он гадкий стал. В нём сейчас заключалось всё то, что я терпеть в парнях не могла. Гигантское самомнение, гипертрофированная уверенность в собственной неотразимости, грязный язык, желание высмеять и унижить публично.

И вместе с тем сердце предательски сжалось. Сладко так и тоскливо. Потому что год – это слишком мало, чтобы стереть человека из памяти, из мыслей, из фантазий. А фантазий я позволяла себе очень много. Чем ещё заниматься, когда остаёшься один на один с собой долгое время? Вспоминать, да мечтать.

Я даже почувствовала некоторую досаду и обиду, что идеальный образ, можно так сказать, первой любви был конкретно испоганен носителем этого образа. А ещё присутствовало недовольство собой, потому что вопреки горячим убеждениям, что говнюки меня ни в коей мере не интересуют, низ живота слегка потягивало, стоило вспомнить, как тесно и крепко Раф прижимался ко мне.

Нет, об этом было лучше не думать.

Мне ничего гениальнее в голову не пришло, чем спрятаться в библиотеке. Изучив список произведений по международной литературе, и выбрав то, что не читала, даже взяла фильм, чтобы ознакомиться с сюжетом заранее. Но больше двадцати минут не высидела. Смотрела на экран и вместо кадров видела Рафа. В ушах звучал его издевательский голос, который в какой-то момент сменился на интимный шё-

пот, опять взбаламутивший неуместные желания.

С тяжким вздохом я встала и пошла, куда ноги несли.

Вот уж не думала, что выйдя в социум, в универ, столкнусь с новой проблемой. Я даже предвкушала смену обстановки, а теперь всё, чего хотелось – убежать домой и запереться на десять замков, чтобы никакие смущающие личности ко мне в квартиру не проникли. Но мысли то было не запереть. Так сложно приказать себе не думать.

Ноги сами собой принесли меня в кафетерий, а руки потянулись к телефону, на экране которого высветилось сообщение от Гриши. Интересовался всё ли в порядке. Желание позвонить ему было слишком велико, но я ограничилась ответом, что у меня всё хорошо, и просьбой подкинуть до дома после занятий.

Пора становиться самостоятельной как раньше и не искать ни у кого защиты.

Хлопнув откидным блокнотом по столу, я принялась заносить основные тезисы для будущей курсовой, вернее, её практической части. Пока идеи возникали, их стоило записать. И плевать, что сдача в конце третьего семестра. Все ведь советуют начинать готовиться заранее. Плюс это прекрасный способ не думать о том, что случилось между мной и Рафом в тёмной, закрытой на ремонт аудитории.

Я так считала...

Но мыслеобразы, словно фантомные боли, продолжали меня преследовать.

Поэтому когда над ухом раздался голос Рафа, я даже сразу не поняла, что это происходит в моменте, здесь и сейчас, и что это не игра моего больного воображения.

– Опа, какие люди! Вот видишь, Катёна, наша новая встреча произошла гораздо быстрее, чем тебе того бы хотелось, да?

Раф навис над столиком, по губам гуляла ехидная улыбочка.

Он наклонился ещё ниже, и я чуть не утонула в темноте его взгляда.

– Кстати, Катёна... давай я буду звать тебя Катёна? – Для полноты картины ему оставалось только мяукнуть. – Катюшей ты для меня уже была, и, видимо, тебе не понравилось. Может, в другом качестве мы достигнем большего прогресса?

Очень сложно было выбраться из-под его гипноза, но я сумела. Ещё и взяла себя в руки довольно быстро.

Вытянула шею, оглядываясь. В кафе оказалось полно свободных мест, но, конечно, он пристал ко мне.

– Иди куда шёл, – совсем нелюбезно буркнула я, усмиряя в себе желание отодвинуться подальше.

Пугливой никогда не была, но сейчас робела перед этим новым неизвестным мне Рафом. Потому что не понимала, какую дурость он может выкинуть в следующую минуту.

– Так я сюда и шёл. Это наш столик.

– Тут не было таблички зарезервировано, – побарабанила

я пальцами по гладкой поверхности.

– Этого и не требуется. Все знают, что мы тут сидим.

– Мы – это кто?

– Мы – это мы, наша компания, – уточнил, подошедший к столику смуглый кудрявый шатен. – Я, кстати, Макс.

Я кивнула, не понимая, как реагировать, и, опасаясь, что этот незнакомец, как и Раф, может выкинуть какую-нибудь колкую дурасть против меня.

– Держи, это тебе.

Макс протянул мне стаканчик с кофе.

Я покосилась на напиток, размышляя, это приколы какой-то или всё безобидно.

– Там капучино, только без сиропа. Кофе любишь или ты больше по чаю? – пояснил Макс, правильно понимая мой озадаченный вид.

– Любит она кофе, любит, – вклинился Раф.

– Я и сама ответить могу, – прищурилась я.

– Раф, где твоя вежливость? – стукнул его по плечу Макс.

– Сейчас проявлю, – Раф потёр ладони друг о друга и приготовился присесть.

Но Макс его аккуратно отстранил и плюхнулся на диванчик рядом со мной первым. Я всё-таки отодвинулась, потому что парень распластал локти по столешнице и занял немало пространства.

– Это моё место, а ты вот там сидишь, где обзор лучше, – с нахальной улыбочкой Макс подмигнул другу, затем выпря-

мился, закинул руку на спинку сиденья позади моих плеч и кивнул на стаканчик. – Пей, не отравлено. Я для Рафа брал, но он ведь у нас галантный парень, он поделится. Да, Раф?

Почему мне в этот момент показалось, что разговор вовсе не о кофе пошёл?

– С детства делиться не любил и не считал себя обязанным делать это.

Пока парни боролись взглядами, я сделала аккуратный глоток капучино и слизала пенку кончиком языка с верхней губы.

Именно на этом моменте Раф посмотрел на меня. Вернее, на мои губы. И могу поклясться, его зрачки сделались шире, а зелёные глаза темнее и опаснее. Сердце гулко заухало, мне совсем не понравилось это выражение на его лице. Как у хищника. Я даже не подозревала, что он таким может быть.

Но, видимо, за прошедший год многое изменилось. Или исказилось, что ближе к истине. Ведь говорят: характер не меняется.

Мы с трудом разорвали зрительный контакт. Раф отвернулся и ушёл прикупить что-нибудь для себя, а я осталась наедине с Максом. Тот изучал меня безо всякого стеснения. Ещё и голову набок склонил, скользя взглядом по лицу.

– Что-то не так? – расхрабрившись, с вызовом уточнила я.

Это было просто жуть как на меня не похоже. Я часто робела перед незнакомыми людьми, а перед парнями тем более, но, видимо, утро выдалось слишком «задорным», вот

меня и прорвало.

– Ну что-то определённо не так, – усмехнулся Макс, – только я ещё не понял – это плохо или хорошо?

– Ну, когда поймёшь, сообщи.

– Да не потребуется, думаю.

Он внезапно развернулся ко мне вполоборота и придвинулся ближе. И я занервничала. Потому что парни, с которыми я обычно общалась, были вежливыми и предсказуемыми, а эта компания оказалась взрывной и непонятной.

Впрочем, после некоторых событий в моей жизни, я решила, что совсем не разбираюсь в людях.

– Кать, да ты дыши, я тебе ничего не сделаю. Просто рассмотреть хочу... получше, – усмехнулся Макс.

– А з-зачем меня рассматривать?

– Да вот... – он наклонился почти к самому моему уху, – хочу понять, с чего это Раф так на тебя запал.

– Он не... – начала я, но Макс внезапно отстранился.

– Эй, не напирай, – это рука Рафа легла другу на плечо и дёрнула так, что Макс отъехал к краю скамейки на своей пятой точке.

Я нервно усмехнулась, потому что выражение лица у Макса было комически удивлённым.

Раф сунул мне тарелку с едой под самый нос, а сам сел напротив.

– Ешь, ты какая-то слишком худая...

Я опустила взгляд на сочный бургер и почти подавилась

слуюной, но мне не нравился тон Рафа, и принимать еду из его рук, тем более, с такой подачей я не собиралась.

– Я нормальная.

– Нормальная? Под твоими безразмерными тряпками и не видно, какая ты. Но уверен, когда их сниму...

Я резко вскочила на ноги, не намереваясь выслушивать, что там произойдёт, когда он якобы заберётся мне под одежду.

Раф замолк, а Макс схватил меня за локоть и усадил обратно.

– Да не реагируй ты на него. Он обычно более учтивый и не такой прямолинейный. Раф, да, кстати, а что это с тобой?

– Со мной всё отлично. Просто люблю, когда у девушки есть округлости в нужных местах, чтобы было за что подержаться, – подмигнул он мне и руками показал, в каких конкретно местах ему требуются округлости.

Кажется, теперь я сидела красная, как помидор. До корней волос вспыхнула.

– Мальчики? – К столу подвалила высокая стройная брюнетка, которую я уже видела в аудитории. Она скосила взгляд на меня. – И девочки.

– Садись, Маша.

Раф подвинулся, освобождая пространство рядом с собой, и брюнетка тут же плюхнулась на скамейку, не преминув потереться грудью о его плечо. Мои губы непроизвольно скривились: о характере их отношений нетрудно было дога-

даться. И почему-то от этой мысли мне сделалось больно.

Впрочем, чего я хотела? Мы же год не виделись. Он вон как изменился! И это только поверхность айсберга.

«А тебе хотелось, чтобы он сох по тебе кучу месяцев подряд?» – раздался внутренний голос.

«Нет, от этого было б только хуже», – нашёл моментальный ответ.

Ведь я не стала его искать... после. И обрубилась все ниточки, по которым можно было обнаружить меня.

Где живут мои родные, Раф не знал. Да и навряд ли бы стал искать. Антон мне чётко дал понять, что Рафаэль про меня думает и кем считает. И что лучше бы всё так и оставалось. Для моего же блага.

Абсолютно невольно от этих мыслей я повела плечами. Бр-р-р, прям озноб по коже. Не стоило об этом думать. А как не думать? Вот как? Когда Раф сидел чётко напротив меня?!

К столику подошли ещё несколько парней. Макс меня им представил, пока Раф настойчиво жёг взглядом своих потемневших глаз. Парни, которые, наверняка, также были свидетелями нелицеприятной сцены в аудитории, с любопытством смотрели в мою сторону, но агрессии не проявляли. На Рафа они тоже поглядывали, будто их поведение прямо зависело от его реакции.

– Ну что замерла? Ешь, – снова приказал он.

Может, я бы и съела, если бы в его голосе не было этих агрессивных ноток, но лишь отрицательно мотнула головой.

– Я не буду. Не хочу.

– Ой, зато я буду, – вперёд него вставила брюнетка и подвинула тарелку с бургером к себе.

Откусила, с вызовом поглядывая на меня, затем с томным «хм-м-м» повернула бургер к Рафу. Тот хоть и ел из её рук, но смотрел прямо мне в глаза. Я даже услышала, как у него на зубах что-то хрустнуло. Может, он просто посильнее сжал челюсть, потому что вызов в его взгляде невозможно было перепутать с чем-либо другим.

Вопреки всему мой живот тихо заурчал, и, видимо, Макс это расслышал. Потому что парень наклонился, прижался губами к моему уху и выдохнул шёпотом:

– Ну ты и врушка.

Я сидела прямо, не шелохнувшись. И ещё подумала, что дыхание Макса, щекочущее мою щёку, хоть и вызывает желание потереть кожу, но никакой иной реакции не рождает. А Раф, даже сидя через стол, одним присутствием закручивает болезненные спирали возбуждения в моём животе.

Рафаэль и я просто не доиграли – мне хотелось так думать.

Повернув лицо к Максy, я поняла, что мы сидим действительно слишком близко. Его ехидная усмешка указывала на провокацию. Так что я, набравшись смелости, – даже не понимая, откуда она вообще взялась, – подцепила кончиком пальца его чёлку, откидывая волосы со лба.

– Это натуральные? Твои? – кивнула я на его кудри.

– Мои родные, – он взял меня за запястье, отводя руку в

сторону, – ну немного волшебства с укладкой никто не отменял. Нравится?

– Оч-чень.

Хлопок по столешнице заставил приборы и кружки со стаканчиками подпрыгнуть.

– Может вам уединиться? – рявкнул Раф. – Рекомендую двести пятую. Катя тебя проводит. Дорогу она знает, да, Катёна?

Опустив ладонь на стол, я чуть наклонилась вперёд, чувствуя, как щёки запылали в два раза сильнее. Что за грязные намёки?

– Хам!

Раф также приблизился ко мне через стол, накрывая мою руку своей.

– А что не так? У нас группа дружная, мы всегда по очереди знакомимся с новенькими. Можем даже график составить. Раз уж ты проигнорировала публичное представление, организуем в индивидуальном порядке.

О, да, теперь это были даже не намёки. Прямой текст!

Вывернувшись из его хватки, взяла тарелку с чипсами, стоявшую посередине, и вытряхнула содержимое чётко в лицо Рафу.

– Приятного аппетита.

Раф, ничуть не смутившись, подцепил кончиками пальцев упавший ему на толстовку чипс и с удовлетворённым хрустом закинул себе в рот. А я пулей вылетела из-за стола, на-

мереваясь бежать.

– Завтра повеселимся, – пообещал он.

* * *

На первом этаже меня настигло сообщение от Гриши. Отлично, его лекции на сегодня закончились, и он был готов уезжать. У меня что-то ещё стояло по расписанию, только идти обратно и снова попадать под град насмешек Рафа, не было завидной перспективой. Да и не уверена, что выдержала бы.

В голове крутилась идея – вернуться к дистанционному обучению. Закончу этот год удалённо, а за лето, может быть, энтузиазм у Филатова поутихнет, и он от меня отстанет.

Свежо было придание, но верилось с трудом.

Плюхнувшись на кушетку возле гардероба, я уронила голову в ладони. Непонятно, что больше жгло кожу: холод ледяных рук или жар пылающих щёк. До сих пор лицо горело.

Оставалось надеяться, что Раф просто брал, как говорится, на понт, что он ничего не предпримет против меня, потому что становиться изгоем мне очень не хотелось. Прекрасно понимала, я уже новенькая, а, значит, априори – белая ворона, и влиться в коллектив здесь непростая задача. С другой стороны, а надо ли мне вливаться в этот коллектив?

Конечно, надо! У нас впереди ещё три года с хвостиком бок о бок.

Три года!

Эта мысль шибанула, как внезапный удар электрического тока.

Господи... это ж три курса в одной группе с Рафаэлем. А я выдержу?

Вскочив с кушетки, я накинула куртку и выбежала из здания, потому что Гриша начал бомбить на номер. Значит, ждал меня на парковке.

Взглядом нашарила тёмный внедорожник, с удивлением заметила, что место пассажира рядом с водителем занято. Пришлось забираться на второй ряд.

– Как первый полноценный день? – спросил Гриша, пока никак не представляя своего попутчика, с большим любопытством изучающего меня.

Лицо незнакомое, но открыто улыбающееся и открыто разглядывающее. Короткие светлые волосы, голубые глаза, породистый нос с небольшой горбинкой. Располагающая улыбка на красивых губах.

– Да не совсем полноценный, – протянула я.

– А что, сбежала раньше?

– Да, Гриш, сбежала.

– Голова разболелась?

– Типа того.

– Знакомить-то будешь? – вклинился блондин в наш разговор.

– А... прости. Это Руслан, это Екатерина, – молниеносно представил он.

– Можно Рус.

– Можно Катя, – быстро поправили мы оба.

– Ну... поехали, отвезём тебя домой, – заботливо заметил

Гриша. – Не замёрзла? Есть хочешь?

– Нет, всё в порядке. Просто подбрось, и я вас не буду задерживать.

Парни тут же принялись возражать, предложили заехать в кафе, но я помотала головой, которая и правда начала побаливать. Видимо, от переизбытка утренних эмоций. Ещё и заинтересованный взгляд Руса смущал. Непонятно, он тут случайно оказался, или Гриша решил мне устроить смотрины? Или это для Руслана?

Гриша, конечно, говорил, что надо завязать знакомства, расширить круг общения, а меня вполне устраивало моё одиночество. Мне сейчас другого не хотелось.

Однако ребята развлекали меня всю дорогу, так что я даже чуть расслабилась и иногда смеялась.

В конце я выпрыгнула у арки, попросив Гришу не заезжать во двор, и поплелась в свою отнюдь не модную квартиру в старом спальном районе.

Слишком много незнакомых лиц за один день.

Слишком много прикосновений и слов от одного знакомого.

Глава 4

Катка снова пропала. Мы уже дожили до четверга, а Виноградова не появлялась в универе. Признаться, я занервничал, куда это она подевалась. До той степени, что зашёл в деканат и каким-то образом выудил её домашний адрес. Мне было страшно, вдруг она сбежит. Снова пропадёт, а мы так нормально и не поговорим.

Хотя, что за лапшу я вешаю самому себе? Разве говорить с ней собирался? Мне другое нужно было. Ну, а разговоры – так, второстепенная необходимость.

В любом случае, терять связь с Виноградовой мне больше не хотелось.

Район, где жила Катя, был простым, спальным. Не сказать, чтобы совсем окраина, но старая типовая застройка, переживавшаяся высотками, торчащими между низких домов, словно поломанные колья охрannого забора, выглядела довольно удручающе и депрессивно. Да и до универа отсюда было далеко добирались: лесом, полем, на перекладных. Неужели ничего поближе не нашлось?

Я припарковал машину с внешней стороны здания, а затем прошёл под аркой и очутился в старом дворе, по которому в футбол гоняли подростки, а на небольшом участке, выделенном под площадку, копошились мамы с детьми.

Пахло чем-то давно позабытым. Детством? До того как

к отцу пришли слава, признание и популярность, жили мы довольно просто. Вот в таком же здании практически, с одной разницей, что не в столице. Ну а когда мать встретила Олега Азарьевича, жизнь сделала крутой поворот. Новый муж, новый ребёнок, пасынок ещё, пропадавший на постоянной в Лондоне, круг общения опять же новый. Ей нравилось быть женой матёрого бизнесмена и перспективного политика. В любом случае, это было престижнее и, что уж скрывать, денежнее, чем являться супругой скульптора, пускай и весьма известного.

С отцом мы общались раз в месяц или в два, каждый год я летал к нему, чтобы провести неделю-другую в относительном спокойствии. Батя не капал на мозг, не учил жизни без надобности и ничего не требовал. Что было мне на руку. Зато благодаря ему я являлся счастливым носителем имени Рафаэль. Не знаю, о чём он думал, когда выбирал его, и о чём думала мать, когда соглашалась с этим выбором. Как удачно, что оно сокращалось до приемлемого Раф.

У подъезда я подождал, пока дверь не откроют спешащие по делам люди. И на второй этаж поднялся пешком. Здесь было мрачно и серо, но в целом чисто.

Удивительно, как ей самой-то? Нравилось? Когда мы познакомились, Катя жила на юге в большом отдельном доме с матерью и отчимом. Так она говорила. Неужели в Москве ничего получше не нашлось?

Ещё и звонок западал: не с первого раза кнопка прова-

лилась под пальцем и издала хоть какой-то звук. Некоторое время по ту сторону не раздавалось никаких шорохов, а затем вдруг замок щёлкнул, и дверь распахнулась.

И на меня уставилась весьма удивлённая Катя с зубной щёткой во рту. По этой же причине она ничего и сказать не успела, я мигом оттеснил её вглубь квартиры, шагая за порог и закрывая за собой дверь.

Катя попыталась выставить руки вперёд, вытолкать меня, но было поздно. Я лишь посмеялся над её усилиями.

Она быстро юркнула в ванную, включила воду, избавляясь и от щётки, и от пасты, а я, тем временем, добрался до кухни, попутно осматривая простую обстановку жилища, явно съёмного.

Невольно сравнил со своими хоромами, где каждый угол вопил об успешном дизайнерском решении. Здесь же для полного антуража только ковров на стенах не хватало. Ремонт проводили явно в начале нулевых. Тесная однушка в малосемейке.

Заглянув в холодильник, я плеснул себе апельсинового сока в стакан и выпил залпом, пока Катёна в ванне копошилась.

– Ты не у себя дома! – раздалось за спиной.

– Был бы у себя, прошёл бы сразу в спальню, – пожал плечами, разворачиваясь.

Катя, одетая в мягкий безразмерный костюм: толстовку и брюки, подошла к столу и опустила крышку ноута, взяла

пустую тарелку, стакан, чтобы отправить грязную посуду в раковину. Видимо, как раз поужинала, когда я появился.

– Как узнал, где живу. Следил? – грозно требовала она. А меня смех пробрал. Боже, она была забавной.

– Мышка сердится? – подцепил кончиком указательного пальца локон её тёмных волос, но Катя толкнула меня плечом, отходя к столу, до которого тут два шага было.

– Пропала, не ходишь на лекции, – вздохнул я, складывая руки на груди и следя за её метаниями по тесной кухне. – Так что... как ответственный студент и член коллектива, я должен был лично проверить, все ли в порядке у новенькой.

– Ответственный студент? Кажется, ты даже не староста.

– Не надо мне такой чести. Да и вообще, чтобы иметь авторитет в группе, не обязательно навешивать на себя громкие звания и должности.

Я действительно так считал. Да и жизнь показывала, что часто лидерами были те, кто не на виду, а в тени. Этакие серые кардиналы.

– Авторитет? – Эта стерва даже коротко усмехнулась. – Ну-ну, слышана я про твой авторитет, – с издёвкой подчеркнула она.

А потом вдруг прошлась взглядом по мне от макушки до пяток, и внутри всё вспыхнуло. Мне нравилось, как она на меня смотрела, изучающе так, будто видела впервые, будто стремилась вобрать больше деталей и запомнить как следует. Однако её комментарий меня немного удивил.

– Продолжай, что имеешь в виду?

– Да уже просветили, кто такой Рафаэль Филатов и чем он известен. Сомнительные достижения, Раф.

– Вау.... – не удержался от сарказма. – И кто же, позволь спросить, тебя просветил?

– Не суть важно.

– Ну почему же? – я шагнул ближе и схватил её за локоть. – Очень даже важно. Знаешь, идти на поводу у сплетен – не самый лучший путь.

– И в сплетне есть доля истины.

– Вот как?

– Да ты и сам уже постарался, чтобы я не питала никаких иллюзий. Показал своё истинное лицо.

Мне даже смешно стало: что ж, если по её мнению я показал своё истинное лицо, то она собственное умело скрывала.

– А ты питала? Иллюзии-то, а?

Катя вцепилась в мою руку, стряхивая с себя. Кожу обожгло от её касания, и я разжал пальцы.

Мне хотелось, чтобы она ответила на последний вопрос, но он был попросту проигнорирован.

– Я тебя в гости не приглашала, так что уходи.

– А дверь тогда чего открыла? Могла бы и спросить, кто там?

– Я думала это... – Катя осеклась, посчитав, что болтает лишнего.

– Ну, чего замолчала? Я думала это... Продолжай. Кого

ты там ждала?

Мне тут же захотелось задержаться на подольше, чтобы посмотреть, кто к ней должен был прийти, хотя не похоже, чтобы Катя готовилась к выходу. Значит, спокойный домашний вечер намечался. Вопрос, с кем?

Сердце внезапно забухало в груди, стоило представить, что у этой стервы кто-то есть. Я же ни черта не знал о ней. Чем она жила? Что происходило в её жизни?

А зачем мне было это знать?

– Неважно, – она тряхнула головой, прерывая цепочку моих размышлений.

– Ну, явно не Антона. Вы же с ним не общаетесь, да? Или я чего-то не знаю?

Катя напряглась, прищурилась, а потом вскинула подбородок. Не мог же я ей признаться, что и сам с Антохой связь особо не поддерживал, только раз пытался до него достучаться, выяснить, как там она, но Антон сказал, что знать ничего не знает. Из чего я и сделал выводы: контактов они не поддерживали.

– Мудак твой Антон. И ты мудак.

Интересные заявления.

– Ага, зато ты, Катёна, у нас святая добродетель. С одним покрутила, с другим помутила, не определилась, словом.

– Вали давай! – она ткнула пальцем в сторону выхода.

– Да ты не приказывай, на меня не действует. Знаешь, даже смешно.

– Я сейчас позвоню в полицию.

– Да никуда ты не позвонишь, дурочка. Себя-то не обманывай. И что вообще им скажешь?

– Это уже моё дело. Найду, что сказать, не сомневайся.

Она отвернулась, возмущённо дыша. Видимо, искала новые колкие фразы, чтобы пронять до глубины души. Только всё зря. На каждую у меня уже был готов ответ.

– А раньше тебе нравилось... – протянул я.

– Раф, не надо.

– О, как... уже Раф, а не мудак, – усмехнувшись, я прислонился бедром к кухонной тумбе, бросил короткий взгляд на столешницу.

Между упаковкой чая и какими-то баночками специй лежало лекарство.

– Что это? – я взял один из блистеров с таблетками и поднёс ближе к глазам. Название ничего мне не сказало. – От чего пьёшь? Ты болеешь? Простудилась?

Теперь её отсутствие легко объяснялось.

– Да, приболела, – она подошла и выдернула лекарство из моих рук, открыла ящик и закинула туда. – Всё нормально, жива, почти здорова.

– Если тебе что-то надо, скажи, – вдруг неожиданно для самого себя предложил я.

– Да, надо, – она задумчиво покусывала нижнюю губу, – чтобы ты ушёл и больше никогда и ни под каким предлогом сюда не возвращался.

– Ну, такого я пообещать не могу, – усмехнулся краем губ, – но я уйду. Пока что.

– Не пока что, а вообще. И дорогу сюда забудь. Тебя никто не звал и не приглашал.

– Если надо, я сам себя приглашу, куда захочу и когда захочу.

– Это проникновение на частную территорию.

Её обвинение меня в конец рассмешило.

– Думаю, твоя «частная территория», – окинул её многообещающим взглядом с ног до головы, – совсем не будет возмущать, когда я на неё... поправочка, в неё... проникну. М-м-м?

Виноградова мигом вспыхнула и с ответом не сразу нашлась. Пока она напрягала извилины в поисках подходящей фразы, я подошёл к столу, где лежал её телефон.

Схватил его и, игнорируя попытки забрать мобильник, отодвинул Катю в сторону.

– Положи, ты не имеешь права!

– Ты чего так напряглась? – недовольно протянул, а сам уже набирал свой номер.

Дождался пока пойдёт звонок и только после нажал на отбой.

Катя сразу поняла, что я сделал, недовольно насупилась, схватила сотовый, спрятала глубоко в карман.

– Я номер сменю.

– Меняй, сколько влезет, я всё равно его разужнаю.

Пожал плечами, а потом вдруг шагнул ей навстречу, загоня в ловушку между собой и столешницей.

Катя выпрямилась по струнке смиренно и, кажется, забыла, как дышать.

– А ты забавная... стала, – вынес ей вердикт.

И заметил возмущение, плескавшееся в глубине серых глазах. Это тёплое жидкое серебро быстро превращалось в негибемую сталь.

Характер – вот что мне понравилось в ней с самого начала. Катя не вела себя как выскочка, но и мямлей тоже не была. Особой красотой, – внешней, броской, говоря более понятным языком, – не выделялась. Но содержалась в ней какая-то природная внутренняя мягкость, делающая девчонку необычайно женственной и притягательной. А за год добавилась практически болезненная хрупкость.

Её ладони распластались у меня на груди, толкнули пару раз, но безрезультатно, потому что я уже попал под дурман её нежного аромата, исходящего от распущенных волос. Так хотелось сунуть в них нос, вдохнуть поглубже.

– Катя, – чуть ли не простонал я.

– Пожалуйста, Раф, не надо...

– Кать...

– Пожалуйста...

Она покачала головой и отвернулась. Но я всё равно провёл носом по её щеке и уткнулся в волосы на виске. Пахла она так же, как и год назад. И действовала на меня так же.

* * *

В пятницу Катя, наконец, появилась в универе. Не знаю, сама решила, или мои угрозы на неё подействовали. В любом случае, нарисовалась на парах, словила кучу подколов и смешков от однокурсников. Несколько дебилов даже посмотрели в мою сторону в поисках одобрения, будто это я задал новый тренд – долбать новенькую, но, не обнаружив никакой реакции, сдулись.

Только я мог задирать Виноградову, вот и всё, что им надо было осознать. А если будут продолжать в том же духе, зубы им пересчитаю.

Сегодня я её не трогал, лишь смотрел время от времени. Каждый раз, когда она ловила мой взгляд, вспыхивала, и меня радовали эти яркие алые пятна на её щеках. Видимо, помнила наш вчерашний недопоцелуй у себя на кухне.

Ну, и хорошо, что ничего не было. Не уверен, что смог бы от неё отлепиться и уйти, если бы всё случилось. Да, сначала я бы набросился на стерву, как умалишённый, а потом бы тряс до потери сознания, требуя правду.

Впрочем, а что её требовать? Ну повелась Катя на Анто-на. Но до сих пор реагировала на меня. С другой стороны, разве я не заслуживал объяснений? Интересно, они с самого начала за моей спиной мутили? Может, ржали даже над наивным Рафом? Я ж тогда как страдающий олень по ней сох. Точно олень, даже рогами обзавёлся.

Чёрт... не стоило об этом думать.

Ладонь сама собой сжалась в кулак. Хотелось садануть по столешнице со всей дури, но я взял себя в руки. И спокойно сидел до окончания пар, думая, что подловлю Катю на выходе. Но меня задержали, а Виноградова свинтила в неизвестном направлении.

Зато Полечка позвонила.

Позвонила, блин!

Признаться, я даже позабыл про неё на какое-то время. И по всем законам любовной логики стоило начать моему интересу к девушке уменьшаться, её, наоборот, прямо пропорционально подскакивал до небес. Вот и сейчас эта отнюдь не невинная овечка бляла в трубку что-то там про выходные и вечеринку, на которую я её приглашал несколько дней назад.

– Ну, конечно, я помню, всё в силе, – заверил я, думая, что, возможно, день икс настанет быстрее и стремительнее, чем я ожидал. – Завтра вечером за тобой заеду. Кинь адрес.

Макс, стоявший рядом, выразительно приподнял бровь, а я лишь пожал плечами.

– У метро забрать? Да лан, Поля, зачем у метро? Давай заеду. У меня очень комфортная машина, какой смысл тебе тащиться на общественном транспорте?

Она что-то там повозражала. Видимо, хотела выглядеть гордой, независимой и... необременительной.

– Слушай, мы за город поедem. Я тебя туда-обратно с доставкой до порога прокачу. Кидай, в общем улицу, дом. К

шести буду.

– Ну и какого хрена тебе оно надо? – прямо выразился друг, когда мы с Полиной договорили.

– Такого хрена, Макс, такого!

В ответ он лишь шире натянул лыбу.

– Думал, вектор твоего интереса сместился в несколько иную сторону.

– Мой «вектор», – я кивнул на собственную ширинку, – смотрит прямо в угол под девяносто градусов аккурат между бёдер сладкой и невинной Полечки

– Вот ты завернул, – дал мне пять Макс, а затем, задумчиво пожевав нижнюю губу, добавил: – Ну тогда не будешь возражать, если я Катю приглашу на вечеринку?

– Чего? – приготовился взорваться я.

Мне совсем не понравилось, что он к ней подкатывал, но я тогда всё спустил на тормозах, посчитал, друг меня позлить хотел, а теперь он эту стерву куда-то там приглашать намеревался. Ещё и мне всю малину испортить вздумал.

Аналогия с Антоном, искренне посчитавшим, что замутить с девушкой, к которой у меня был интерес, за моей же спиной – это так, как два пальца об асфальт, то бишь – норма, напрашивалась сама собой.

– Не вздумай, – наставил я на Макса средний палец, пожалев, что не намылил ему шею ещё в тот день, когда он так технично напирал на Катю в кафетерии. – Она там точно будет лишней.

– Так я себе её приглашу, а не тебе.

– Макс, не будь бараном, а?

– Для себя бережёшь, что ли?

– Конечно, для себя.

– А Полина? Ты бы определился, а то колбасишься между двух огней, – попытался он вразумить меня, но я лишь отмахнулся.

– Одно другому не мешает.

– Ну-ну...

Мне казалось, мы поняли друг друга. Но когда вечером в субботу Макс под ручку со слегка преобразившейся Екатериной вошёл в двери загородного дома, где проходила туса, я решил, что навалить ему по шее стоило глубоко заранее.

Глава 5

На Кате были ровные тёмные джинсы, подчёркивающие красоту её стройных бёдер и тонкий свитер ягодного оттенка. На этот раз не безразмерный. Готов поклясться, парни из группы и незнакомые левые лица на этой межфакультетской тусовке вполне себе оценили достоинства её фигуры и полноту груди, обтянутую яркой тканью.

Макс вручил ей стаканчик с напитком, подвёл к своему приятелю, видимо, чтобы представить. И Катя, эта мышка-тихоня, довольно быстро влилась в оживлённый диалог.

А ещё Макс иногда касался её плеч, и Катя больше не отпрыгивала от него на полметра. Напротив, принимала его жесты и даже ни на сантиметр не дёргалась. Когда успели спеться, вот вопрос!?

Поля просунула ручку мне под локоть и потянула за собой на диван, замечая, что моё внимание теряется.

– Ни разу не была на вечеринке в загородном доме, – призналась она.

Блин, прям животрепещущая тема, мать её.

Моргнув, чтобы убрать иронию из глаз, уточнил:

– А на каких вечеринках была?

– Ну, в клубы с подружками ходила.

Она подчеркнула это слово «с подружками», чтобы я понял: никаких других парней в её жизни не было. Этим она

выделяла меня. А мне по барабану было до этих ненавязчивых акцентов.

Поля оделась в обтягивающие джинсы и тонкую полупрозрачную бледного цвета блузку. Наклонившись чуть ниже, я даже мог рассмотреть кружево её нижнего белья. И рассматривал – безо всякого интереса.

Поля переключилась на рассказ о какой-то вечеринке, не забывая прижиматься к моему боку, а я вскинул взгляд и наткнулся на Катю. Она стояла возле комода, где громоздились коробки с закусками, и смотрела то на Полю, то на меня. Полина осеклась, и я повернулся, чтобы понять, что случилось. Девчонка тоже уставилась на Катю, но ненадолго. Развернулась ко мне и вдруг набросилась на мой рот, прикусывая нижнюю губу, да довольно болезненно. Я не отстранился, но и отвечать на этот непонятный поцелуй тоже не стал.

– Так и что дальше было? – кашлянул, когда Поля отлипла.

– А дальше... ну, дальше Марина сказала, что в полночь там...

Что там происходило в полночь, я так и не понял. Потому что снова посмотрел на место, где стояла Катя. Она больше не глядела на меня. Разговаривала... с Машей.

С, мать её, самодовольной, самоуверенной, наглой Машей, которая ей ну ничего, кроме как какой-то гадости, сказать не могла. Видимо, гадость касалась меня, потому что Виноградова коротко взглянула в мою сторону и быстро от-

вернулась. Маша же рассмеялась, продолжая ей что-то внушать. Аж руки к груди приложила. И не затыкалась, пока Макс её не прервал.

Взял Катю за локоть и увёл в сторону. В компанию спокойных ребят. Такие тут тоже имелись. Маша упёрла руки в бока, недовольная его самостоятельностью, и чуть ли не ногой затопала. Чувствовала Машуня, что нас с Максом теряет. Мы ни разу на неделе нигде вместе не зависали, а обычно так и было. На несколько её любезных предложений приехать и скрасить вечер, я ответил отказом. Видела, что новенькую задираю, а теперь Макс с Катей сюда притащился. Выводы Маша умела делать, причём правильные. Катя стала для неё соперницей, да хотя бы за внимание друзей.

Вечеринка сегодня была из категории лайт. Без всякой заппрёщёнки. Из горячительного – стандартный набор алкоголя. Музыку обеспечивали ребята, которые сами диджеили по столичным клубам. Кто-то даже в настольные игры резался. Хотя вот за дальним диванчиком в компании из пяти парней и шести девчонок происходили какие-то странные двусмысленные соревнования со случайными поцелуями. Это когда все становились в круг и передавали изо рта в рот карту, держа её навесу только силой своего дыхания. Когда двоим парням пришлось поцеловаться, потому что карта, обеспечивающая барьер между ними, упала, я усмехнулся. А Поля замолчала, понимая, что я не очень-то её и слушаю.

– Погоди, я на минуту.

Увидев, что Макс один, я вскочил и подошёл к нему, желая высказать по поводу его самодеятельности.

– Слушай, думал, ты мне друг, – притормозил его, хватая за плечо.

– Друг, конечно, – кивнул Макс.

– Тогда какая часть фразы «не приглашай и вообще не трись рядом с Катей» была тебе непонятна.

Макс широко улыбнулся, хлопнул меня по спине и заявил:

– Да я по-дружески позвал. Скучает ведь, девчонка. Новенькая. Ты сам говорил, что ей надо в коллектив вливаться. Кстати, твоя Полечка тоже грустит.

Я повернул голову: и точно, сидела одна на диванчике, болтала трубочкой в стакане. Нервно как-то, дёргано.

Когда отвёл взгляд, Макс исчез куда-то. А Катя по-прежнему была в кружке сокурсников и даже принимала участие в разговоре. И не смотрела в мою сторону. Специально или нет, я так и не понял.

Ну, тут скорее Маше стоило сказать спасибо. Один бог знает, что она ей наговорила. Явно ничего приятного, судя по ехидной усмешке.

Наша староста, Оля Соловьёва, взяла Катю за руку, и они ушли на кухню, попутно о чём-то жарко споря. Ну, и прекрасно.

Я вернулся к Полине, которая тут же развеселилась, когда я сел рядом. Придвинулась ближе, задала пару дежурных вопросов, тыкнула в экран смартфона, показывая мне моё

же видео. Мы там с Максом дурачились. Просмотров и лайков набралось до кучи. Поля тоже была под впечатлением. Только губки недовольно надувала, указывая, сколько восторженных комментариев от девочек под каждым моим роликом собиралось.

Эта её деланная ревность меня даже рассмешила.

Всё происходило именно так, как и рассчитывал. Как по нотам. Разыграно. И в то же время я ощущал какой-то привкус фальши. Победа, которая уже была у меня в кармане, казалась какой-то пресноватой. Шаблон повторялся в третий раз. Ничего нового. Кроме локаций и имени девушки на моих коленях.

Ведь мы с Полиной довольно быстро переместились наверх, в одну из спален, которую я предусмотрительно закрыл на ключ.

Чем девушки отличались друг от друга? Да ничем... две руки, две ноги и то, что между ними, тоже одинаковое было. Оно всё у всех одинаковое, если к действиям не подключались чувства.

Полина не была для меня той самой, да и я для неё, наверное, тоже таким не был. Если бы она хотела продолжения, чего-то серьёзного, морозила бы меня полгода, а то и больше. А так я буду местной звездой, ставшей у неё первым. Потом начнёт подружкам рассказывать, как потеряла девственность с популярным мажорчиком из университета, у которого в социальной сети подписчиков под четыре миллиона.

Вопреки всему мы добрались до постели, повалились на неё, не переставая целоваться, но голову мне так и не удалось отключить. Мозг думал о чём угодно, только не о девушке в моих руках.

Как-то странно всё выходило. Катя была внизу, в этом самом доме, а я здесь, на втором этаже и собирался лечь в кровать с Полиной. Лечь, чтобы сделать то, что мечтал делать с самой Катей. Чего безумно желал, несмотря на все но и если в собственной голове. Идя на поводу у эмоций, я считал, что никакого особенного отношения Катя не заслуживала, но в то же время понимал, что если бы вместо Полины сейчас со мной в комнате была она, я бы сделал всё, чтобы эта ночь стала для неё лучшей и особенной.

И, возможно, даже не единственной, не последней.

Наверное, я бы и сам не смог отпустить её после.

Блин... чёрт... хрень какая-то выходила.

Полина прервала поток дурацких ассоциаций в моей голове, обхватила за шею, притянула к себе, увлекла в поцелуй.

Она тихонько стонала и елозила подо мной. Наши тела тёрлись друг о друга, пока что через одежду, которую я не торопился снимать, будто не был уверен: а оно мне надо вообще или как?

Ладонь обхватила грудь поверх блузки, Полина вздрогнула и застонала, выгибаясь навстречу моим рукам, словно мартовская кошечка. А затем и вовсе осмелела, целуя в шею и поглаживая спину, спускаясь всё ниже и ниже к ягодицам.

Я быстро разделался с рядом пуговиц на её блузке, потому что вдруг испугался, что передумаю. А почему именно испугался, даже и не понял.

Господи, Филатов, под тобой готовая идти до конца девушка. Думай об удовольствии. Своём. Её. И просто сделай уже то, что собирался.

Но возбуждение, бродившее под кожей, было каким-то слабеньким, лайтовым. И в голову лезли образы Кати, и аромат кожи Полины, и её тихий голос сбивали с мыслей.

Я приподнялся на локтях, а потом и вовсе встал на ноги. Полина села, чтобы стряхнуть блузку с плеч. А я схватился за край футболки.

Надо раздеться, чтобы не врубить заднюю.

Капец... я словно сам себя уговаривал чпокнуть эту невинную овечку. Не этого ли я хотел на протяжении нескольких недель, подсаживая Полю к себе на крючок?

Филатов, соберись, идиот.

Внутренние диалоги были крайне странными. Крайне...

Взгляд скользнул к окну и за него. И замер на двух фигурах, сидевших бок о бок, на разложенном шезлонге у закрыто в несезон бассейна. Ну, куртку Макса и его кудрявую бошку я сразу узнал, а серое пятно в тени, прислонившееся к его боку, значит, было Катей.

Я отпустил край футболки, которую уже намеревался стянуть через голову и посмотрел на Полю, заводящую руки за спину, чтобы расстегнуть лифчик.

– Погоди... эм... – присел я на краешек кровати. – Тебе не кажется, мы... э-э-э... несколько торопимся?

– Чего? – с удивлением выдала Поля.

И я её тут прекрасно понимал.

Что я только что сказал? Это было так нетипично для меня. Так непохоже. И смешно в то же время.

Я даже улыбнулся, но, наткнувшись на расстроенный взгляд Полины, быстро напустил серьёзный вид.

– Поль, ну тебе самой хочется делать это в доме полным народом? Это же твой первый раз. Да? Первый же?

– Да... – она быстро накинула блузку и стянула края на груди.

– Ты разве о таком мечтала?

– Я о тебе мечтала, Раф, – призналась она. – Хотела, чтобы это был именно ты.

Её ладони легли мне на грудь, и Поля придвинулась ближе, прижимаясь и утыкаясь лбом в плечо.

А я уже мысленно натягивал верхнюю одежду и шёл на задний двор, чтобы разбить идиллию между Максом и Катей. Мозг лихорадочно соображал, как бы попроще отделаться от Поли и сбежать.

Блин, мне ж её ещё домой везти...

Ну, раз обещал от двери до двери, надо выполнять. Наверное...

Я поцеловал девчонку в лоб, подтянул ей подушек под спину и усадил с комфортом.

– Давай принесу нам чего-нибудь выпить, и мы просто поболтаем, ладно? И пообнимаемся. Будем двигаться постепенно, договорились?

Моё внутреннее «я» в удивлении приподняло брови. Чего? Что за хрень я тут загонял? Двигаться постепенно? Единственное, куда мне хотелось двигаться – вниз, через порог и за угол. И побыстрее. Если надо, я Максу ноги и руки переломаю, и рожу подправлю, чтоб грабли свои не распускал на чужих баб.

Но Катя не была моей девушкой.

Но Макс знал и понимал, кем она являлась для меня. Триггером. Спусковым крючком. И делить эту мышку я ни с кем не собирался. Даже с лучшим другом.

А, может, у Виноградовой миссия такая – разводить меня с друзьями? Ссорить? С Антохой же мы перестали общаться. Из-за неё... Теперь Макс.

Роковуха, блин...

Оставив Полину в тёмной спальне, я с непонятным облегчением вышел в коридор.

Ву-у-у-х... ну всё... Секс никогда не был для меня каторгой, а вот сегодня чуть ею не стал.

Тихонько усмехаясь, я спустился на первый этаж, пробился сквозь толпу народа к выходу, попутно отдирая от себя Машу, которая вознамерилась вовлечь меня в какой-то спор.

– Нет, Раф, ну ты расскажи им. Ведь так всё и было! Всё так! – возмущалась уже изрядно подвыпившая подруга.

Кому и что надо было рассказывать, я даже не уточнял.

– Маш, позже, – отмахнулся и, натягивая куртку на плечи, выскочил за дверь.

Быстро обошёл дом и наткнулся на пустоту.

На шезлонге никого не было. Может мне привиделось? Да нет! Они определённо там сидели!

Быстро вернувшись в дом, я пробежался по первому этажу, потом в задумчивости застыл у лестницы на второй. Нет, ну не ходить же мне по комнатам, не проверять, в какой они заперлись, попутно распугивая уединившийся народ?

Сама мысль, что Макс сейчас может быть с Катей наверху, сводила с ума. И проклятое дежа вю бомбордировало нервы. Совсем не к месту я вспомнил страстный поцелуй Антона и Кати, которому стал свидетелем. В тот раз я нашёл в себе силы сдержаться и не бить морду другу. А вот сейчас ладони в кулаки сжимались непроизвольно. Ох и достанется же Максу: и за себя, и за того мальчика. Отыграюсь за всё. И за Катю, стерву эту грёбанную! О чём вообще она думала? Её я ударить не мог, конечно. Так что прилетит опять же Максу.

Уже реально собирался мчать наверх и проверять спальни, когда вдруг осенило чекнуть тачки на парковке. Максого мерса там не оказалось.

– Уехали они, – ответил мне Васин, которого я подловил поблизости с дымящей сигаретой.

– Когда?

– Да вот только что.

– Понял.

Я провёл рукой по волосам, зачёсывая мокрую чёлку и понимая, что это мелкий дождь меня вымочил. Чёрт, я ничего не замечал. Ничего. И не соображал тоже.

Впрочем, там, наверху меня ждала Полина. И возвращаться к ней с напитками, хоть и обещал ранее, я не планировал.

Вынув телефон из кармана, набрал Макса, но тот, как назло, был не в сети.

Не в сети, мать его!

Специально что ли вырубил?

В голове уже бродило сотни две фантастических идей, чем они с Катей и где могли заниматься. Может, он её домой повёз? Может, свернул на отворотку, и они сейчас сосутся на заднем сиденье его машины? Или ещё чем занимаются? Или к себе повёз? Или к ней поехал?

Он, блин, чего, реально не понимал, каково мне?

В груди образовался неприятный ком, он закручивался, как болт в дюбель, чтобы засесть там прочно и основательно.

Что ж оставалось только одно – доставить Полину домой, как и обещал, и поехать к другу, поговорить по-мужски, так сказать.

А если Макс не у себя?

Это опять же был другой вопрос.

Именно так я и сделал. Увёл с вечеринки слегка упирающуюся и абсолютно недовольную таким раскладом Полину, отвёз до дома, уже даже не пытаясь быть любезным или де-

монстрировать заинтересованность. Она может списать все странности на мой особый характер, не пожелать дальше со мной общаться. Хотя с большей вероятностью сама придумает объяснение моему поведению, уверует в него и простит. Просто так. Потому что я Раф Филатов, и таким, как я, девочки прощали многое, если не всё.

Я снова набрал Макса. Недоступен. Затем плюнул на всё и набрал Катю. Вообще тишина.

Побарабанил пальцами по рулю и погнал домой. Но в квартиру не поднялся. Зашёл в бар в соседнем доме, взял стакан пива, чтобы посидеть у окна и подумать, как я докапился до жизни такой.

А потом бац! Тумблер перешёл. Я просто моргнул. И каким-то образом очутился на тёмной лестнице старого подъезда в доме Виноградовой. Лихо взбежал на второй этаж и нажал долбанный заедающий звонок, который всё-таки собрался с силами и провякал хозяйке, что у неё гости.

Я не был пьяным. Просто поддался импульсу. На автомате вызвал такси и поехал к ней, уже даже не думая, как всё выглядело со стороны. Плевать! Плевать мне на это было!

Никто не ответил, и я позвонил ещё раз. И ещё раз. А в голове уже прыгали картинки горячих сцен с участием Кати и Макса. Капец ему сейчас будет! Что так долго не открывают? Заняты друг другом, да?

На этот раз по ту сторону раздалось тихое и слегка насто-роженное:

– Кто там?

– Свои.

– Раф? – удивление было искренним, и голос зазвучал громче.

– Открой! – приказал я.

– Раф, я...

– Открывай, Кать...

И она внезапно открыла.

Глава 6

– Где этот долбанутый придурок? – я отодвинул Катю в сторону, проходя в квартиру. – Ромео недоделанный! – позвал я.

– Раф, ты чокнулся?

– Где Макс?

Не раздеваясь, я заглянул на кухню – пустую, затем в комнату – там тоже никого не было. Даже двери в сортир, ванную и кладовку открыл.

– При чём тут Макс? – Катя ходила за мной по пятам, пока я метался по её квартире в поисках своего «друга» и тихонько повторяла, что я тронулся.

Да, наверное, так и было. Потому что я развернулся и вцепился в её локоть, потянув на себя.

– Давно он уехал?

– Сам ему позвони и спроси. Чего пристал? И хватит уже являться без приглашения. Тут тебе не проходной двор.

Ага, значит, всё-таки был здесь!

Я снова осмотрел комнату. Диван собран. Везде относительный порядок.

Потом окинул Катю внимательным взглядом. Она уже была в ванной: от её слегка влажных волос и кожи исходил тонкий аромат геля для душа. И переоделась в домашнюю одежду – хлопковый свитер и юбку до колена. Значит, давно при-

ехала.

Тут же ревность за рёбрами заскребла острыми когтями с новой силой.

А что если эти двое совместно душ принимали? Что если Макс только уехал? Что если...

Катя всё трепыхалась, пытаясь вырваться, но я держал крепко.

– Раф, перестань меня хватать. Так нельзя. Мне же больно, отпусти!

– Так ты не дёргайся, и больно не будет.

Развернув Катю спиной к стене, прижался к ней всем телом. Запустил пальцы ей в волосы, фиксируя голову и наклонился.

– Раф, не надо, – испуганно прошептала она, но было уже поздно.

Я хотел сожрать эти малиновые губы и, чёрт её дери, собирався это сделать прямо сейчас.

Жар её рта был именно таким, каким я его помнил. Твою ж... это было вкусно! Её участвовавшее дыхание и мягкий стон привели меня в полную боевую готовность. Тогда, в спальне с Полиной, у меня почти ничего не шевельнулось, сейчас же по щелчку пальцев возбуждение взлетело до небес.

В моих объятьях была она – та самая. Мечта, уже однажды от меня ускользнувшая.

И она больше не вырывалась. Сдалась. Обхватила плечи, нырнула пальцами в волосы, отвечая с огромным желанием

и отдачей на каждое движение моего языка.

Я обхватил её лицо ладонями, глядя щёки и скулы вслепую, будто скульптор свою Галатею, пытаюсь вобрать как можно больше её: особенной, единственной, неповторимой – вкусом, запахом, на ощупь, всеми возможными способами и путями.

Также год назад я был сметён похожим потоком чувств: мне хотелось боготворить её, вознести на пьедестал, и в то же время быть вместе самым что ни на есть земным животным способом.

Руки переместились на грудь, сжали холмики сквозь одежду, а затем скользнули под свитер и не обнаружили никакого нижнего белья. Мои ласки и поцелуи стали настойчивее, и Катя испугалась, а я снова разозлился. Она опять меня отталкивала, хотя я не делал ничего, чего бы ей самой не хотелось. Ничего, что было бы ей неприятно.

– Раф...

– Ну что такое?

– Не надо. Так нельзя.

– Что значит не надо? Нельзя? Мне нельзя, а Максимуму можно? Он тебя лапать может? Ему-то разрешила?

Катя замерла, а потом сложила губы в презрительную усмешку, имеющую так мало общего с её обычной нежной улыбкой.

– А-а-а, так ты поэтому? Маленького мальчика обошли на повороте...

Я искал ответ не только в её словах, но и в лице.

– А что, уже обошли?

Катя возмущённо посмотрела на меня.

– А тебя от одной мысли, что уже обошли, коробит?

– У вас что-то было? – встряхнул я её.

Но Катя проигнорировала мой вопрос. Вместо этого перевела тему в совершенно неожиданное русло.

– А тебя можно поздравить? А, Филатов? Уже сделал зарубку на... где там её делают такие самоуверенные самцы, как ты? На спинке кровати?

– Ты о чём, Виноградова?

Она щёлкнула пальцами.

– Очередная вишенка сорвана, да? Решил поставить рекорд? Две за вечер? Поэтому ко мне явился?

– А что, там есть, что срывать? – указал я взглядом вниз, и Катка вспыхнула.

И я окончательно понял, что за год ничего не изменилось. У неё действительно никого не было до сих пор, ни в этом смысле. И внутри осело какое-то извращённое предвкушение и самодовольство.

– Вали к своей девушке. Ты сейчас с ней должен быть.

– У меня нет девушки, – ровно ответил я, хотя её ревность меня порадовала.

– Супер! Ты циник, в курсе?

– В курсе, да. И срыватель вишенки. Или как ты там выразилась? Любитель зарубок, – я всё-таки рассмеялся.

– Именно! – она стукнула меня по плечам, и я отступил.

Катя же переместилась на другой конец комнаты так молниеносно, что даже задержать не успел.

– Ничего я не срывал... – успокоил следом, – но... ведь это можно исправить? – с похабной улыбочкой подмигнул Кате, стряхнул куртку с плеч и направился к ней. – Раз твоя вишенка ещё на месте, почему бы мне не сорвать её? Зачем такому прекрасному субботнему вечеру пропадать?

– Ты так из-за Макса завёлся? Между нами ничего нет, и не было. Он просто довёз меня до дома и всё, – затараторила она, видимо, серьёзно думала, что наброшусь на неё.

Ну что ж... зато я получил ответ. И от сердца, надо признать, немного отлегло.

– Рад это слышать, – кивнул, но траектории не изменил, подошёл к ней вплотную.

Катя покачала головой.

– Раф, не надо, я боюсь.

– Кого? Меня? Я такой страшный? Ужасный?

– Нет... не в этом смысле, – горячо зашептала она. – Для тебя это всё игра...

– Неправда, – перебил я

– Я боюсь, что мне будет больно.

– Больно не будет, – заверил её.

– Это твоя извращённая месть?

– Никакой мести.

На любое её возражение я находил ответ, а потом и вовсе

заткнул ей рот поцелуем. Не предоставляя не единой возможности придумать что-то новенькое и высказать тут же мне. Её дыхание эхом отдавалось у меня в ушах, перемешиваясь с собственным. Влажные звуки поцелуя возбуждали. Хотелось большего, чего уж скрывать.

Когда мои руки снова нырнули под свитер, возражений особых не последовало. Катя напряглась, но я быстро её расслабил. Только мягкости груди под моими пальцами и острых позвонков было уже мало.

Я подтянул вверх её юбочку, обхватывая ладонями ягодицы. Не переставая целовать, прижал к себе, и Катя дёрнулась, когда ощутила степень моего возбуждения. Да и я сам был на тонком волоске от фатальности. Хотел её всю. Хотел с ней до конца. И одновременно с тем понимал, что сейчас не место и не время.

Наши языки снова скрестились, и мои пальцы нырнули под резинку её нижнего белья, спуская его по ногам.

– Раф... Раф... не надо, погоди, стой.

– Всё будет хорошо, – попытался успокоить я, снова целуя её коротко и глубоко. – Я ничего не собираюсь делать.

– Ничего?

– Ничего такого. До конца нет.

Господи, это было треклятое сумасшествие. Причём взаимное.

Оторвался от припухших сладких губ. Огляделся в поисках подходящей поверхности, но ничего лучше и комфорт-

нее дивана не обнаружил. Подтолкнул Катю к нему, затем усадил, подтягивая к краю. Пристроил её ноги к себе на плечи и наклонился.

– Нет, Раф, – в её голосе прозвучали нотки ужаса.

Для неё точно было шоком то, что сейчас происходило. Ещё бы... мы ведь начали не с того.

А я просто тупо проигнорировал, прижимаясь губами к её бедру.

– Раф! – она вцепилась в мои волосы, не позволяя двигаться.

– Тихо-тихо. Всё будет хорошо. Тебе будет хорошо. Тебе понравится. Хочу узнать тебя на вкус. И твой запах. Сводит с ума. У меня в голове туман, – выдал я истинную правду. – Обещаю, больше ничего, только это.

Всё было так странно. Я никогда не стремился делать приятное девушкам таким способом, а вот для Кати почему-то захотелось. Когда мы встречались, всё, что между нами происходило: горячие долгие поцелуи, тесные объятия, иногда я позволял себе дотронуться до её груди через одежду. И уже тогда понимал, что из нас двоих опыт был только у меня, поэтому и не давил на неё. Да и как я мог? Мы встречались то всего чуть больше недели. Да я бы год с ней за ручку гулял, если бы ей это было надо, ждал бы, пока она созреет, но не срослось.

И сейчас мне хотелось вобрать как можно больше её в закоулки своей памяти. Наполнить разум её вкусом и арома-

том.

Катя сдалась. Краем сознания уловил, как она закинула голову назад, накрыла глаза ладонью и лишь тихонько стонала, впитывая новые для себя ощущения. И щёки её пылали от неловкости. Наверняка и внизу всё пылало, а я лишь разжигал огонь ярче, выбивая искры, пока Катя не взорвалась, с тихим вскриком вспорхнув выше.

– Тише-тише, – шептал я, поднимаясь и целуя её шею, лицо и губы.

Катя дрожала, и я вместе с нею.

– О, Раф... Раф... – только и повторяла она с каким-то шоком и удивлением.

Глава 7

Боже... у меня не нашлось слов, чтобы описать сумасшествие, которое случилось сегодня. Словно сюрр какой-то. Словно сюрр...

Раф заснул первым, вырубился на раз-два, а ко мне сон не шёл. Поэтому я тихонько лежала рядом, опустив щёку на ладонь, и рассматривала Рафа. Насколько это было возможно в темноте апрельской ночи.

Окна выходили во двор, иногда по нему проезжали машины, тогда отблески фар двигались по потолку и стенам, частично попадали на лицо спящего под боком парня. Сейчас он выглядел таким расслабленным: мягкая линия губ не сжималась в извечную усмешку, складка между бровей разгладилась.

Стоило вспомнить, чем мы сегодня занимались, и хотелось то ли сгореть от стыда, то ли натянуть одеяло до макушки и отрицательно помотать головой.

Так неловко.

Так прекрасно.

Я вспомнила, как закрыла лицо ладонями, когда он закончил, пытаясь отмахнуться от его назойливых поцелуев, настолько была смущена, а Раф просто переломил моё сопротивление, усадил к себе на колени и каких-то пошлых глупостей нашептал, что я невольно рассмеялась.

Мой особенный. Только он так мог.

Когда мы познакомились, я сразу поняла, что Раф – тот самый. Так бывает. Взгляды просто пересеклись и... ву-у-ух. Сердце улетело, как на американских горках. Мы не могли тогда оторваться друг от друга и каждую свободную минуту проводили вместе. Это были чудесные две недели на юге. А потом...

Что было потом, мне совсем не хотелось вспоминать.

И сейчас, снова сближаясь с Рафом, я очень рисковала. Очень. И устоявшейся жизнью. И успокоившимся сердцем.

Судьба ведь странная штука, часто подкидывающая сюрпризы. И вот нас снова столкнула. Только мы оба изменились. И Раф всё-таки... наверное... больше.

Не ожидала, что он станет таким циничным. То, что мне Гриша про него рассказал, совсем не укладывалось в голове. Впрочем, я и сама успела на себе испытать силу его иронии. Очень жестокой, стоило сказать, иронии. Он катком проехался по мне, ещё и публично. И продолжал кататься туда-сюда то и дело. Если честно, доставалось многим. Раф просто не думал, что говорил. Вернее, говорил, что думал. И тут ему всё с рук сходило. Потому что он, как бы это ни было странно, оставался всеобщим любимчиком. Или местной звездой, мажором, рядом с которым вертелось очень много разношёрстной публики.

И девушки, виснувшие на нём. И Маша эта, отловившая меня на вечеринке, заявляющая, чтобы я не питала иллюзий.

Подруга с, мать её, привилегиями, всячески подчёркивающая, что она особенная, а я так... серая мышь, заинтересовавшая на долю секунды Рафаэля.

Собственно из её трёпа я поняла, что она ни черта не понимала, кто я такая. То есть ей Раф, не смотря на все Машины заверения, что они очень близки, ничего не рассказал.

В отличие от Макса, который, кажется, всё-таки кое-что знал.

В пятницу я, скрепя сердцем, пошла на занятия. Пропустила я не по болезни, как сказала Рафу, а по собственной прихоти. Подумала, нужно время, прежде чем мы снова нос к носу столкнёмся. Дни шли, а решиться и снова поехать в универ, было всё сложнее.

Гриша даже сказал, силком меня туда потащит, но я наплела ему что-то про слабость, хотя была бодрее обычного и вообще, как говорили врачи, весна шла мне на пользу.

– Ты из-за этого типа что ли, идти не хочешь? Может, с ним поговорить? – правильно расценил он мои колебания.

– Нет-нет, ты чего! – в ужасе воскликнула я. – Просто спину тянет. На лекциях, боюсь, не высижу.

– Слушай, тебе двигаться надо. Ты абонемент в бассейн купила? Или в университетский сходи. Там вечерами несколько дорожек под свободное плавание.

– Да-да, схожу, – пообещала другу.

– Я проконтролирую.

– То, что у тебя отец медик, не делает тебя врачом авто-

матически.

— Да никто с детства столько про хирургию не слушал, как я, — пошутил он. — И потом, да, пускай не врач, но я в команде университета по плаванию. Знаю, что говорю.

А «тот тип», как выразился Гриша, однако плотно засел в моей голове. Тайком я излазила его страницу в социальной сети, под левым аккаунтом пересмотрела все видео. Раф, конечно, на них был забавным. Иногда дерзким, иногда романтичным и неуверенным, иногда привлекательным засранцем. И ведь понимала, что всё это игра на камеру, но почему-то залипала то и дело. Хотя там много ерунды было: какие-то нелепые танцы под модную музыку, например. Даже любимые ролики появились, которые я затёрла до дыр. Меня вовсе не поразило количество девчачьих восторгов под каждым. Если бы не знала Рафа, я бы тоже поплыла, наверное. Поддалась бы его обаянию и его игре, ведь всё это действительно было наносное.

Когда он заявился ко мне домой, я в этом очередной раз убедилась. Раф был резким и самоуверенным, и ни капли не похожим на своё «альтер-эго» — беспробудного романтика из сети. Требовал чего-то, приказывал, будто имел на это полное право. Раф образца годичной давности никогда бы не позволил себе говорить то, что говорил сейчас, и делать то, что делал. Этот же новый Раф брал нахрапом и не признавал никаких правил приличия. Жил по своему кодексу и понятиям.

В прошлом апреле мне показалось: лучше бы мы больше никогда не встречались, да я и не думала, что мы ещё хоть раз увидимся. А теперь даже и представить не могла свою жизнь без него.

Ещё и Макс этот, друг, настойчиво зазывавший на вечеринку, смущал. Ну как... смущал. Я то и поехала с ним только потому, что надеялась увидеть Рафа в несколько другой обстановке. И мне до коликов в животе было любопытно, как он ведёт себя вне стен универа. Что ж... увидела. Насмотрелась на сто лет вперёд на его тисканья с девушкой.

И сердце так болезненно сжималось, стоило кинуть лишь взгляд в их сторону, что даже слёзы на глаза наворачивались. Одно дело слышать от Гриши, что Филатов – бабник-первокурсник, мажор испорченный, другое – видеть самой, как он окучивал девиц. А те летели, словно бабочки на свет, который он источал.

– Ну, куда ты убежала?

Макс притащился на кухню, где я в полном одиночестве от нефиг делать протирала бокалы, только бы не возвращаться в общую гостиную. Там Раф обжимался с какой-то милашкой.

У неё и грудь была налитая, в отличие от моей, не особо выразительной. И округлости в нужных местах, как он, видите ли, любил. И кое-что ещё между ног, которые она уже была готова приветливо раздвинуть. С ней он нежничал, а меня считал врагом номер один, достойной лишь насмешек

и двусмысленных фраз.

– Шумно там, – отмахнулась я.

– Ну, да...

Макс принялся перебирать бумажные подстаканники на стойке, а потом подкинул так, что они ровной стопочкой сложились на его ладони.

– Слушай,ними меня, а? – встрепенулся он.

– А-а? – переспросила я, но Макс уже пихал мне в руку телефон с включенной видеокамерой. – Ну... давай.

Он снова проделал те же манипуляции, потом швырнул реквизит повторно и всё растерял нарочно. Забрал у меня телефон, потыкал в экран, наложил какую-то весёленькую музыку и показал уже готовый ролик пару минут спустя.

– Смотри, а прикольно вышло, – оценила я, посмеиваясь.

Получилось действительно забавно, Макс тоже умел играть на камеру, как и его друг.

– Точно. Прикольно. Сейчас выложу, может, в рекомендуемое попаду, просмотров наберу, подписчиков прибавится.

Макс разулыбался, предвкушая удачу.

– А сколько у тебя уже?

Я видела профиль Макса, но как-то на детали внимания не обратила.

– Да около миллиона. Ну, мне до твоего далеко, – заявил он. – У него скоро пятёра будет.

– До моего? – недоверчивым голосом переспросила я. – А «мой», прости, это кто?

Макс почесал кудрявую голову и с видом невинного ангела посмотрел на меня. Ну, прям купидон с фресок Рафаэля. Только Санти, а не Филатова.

Почему-то эта ассоциация насмешила. Я и рассмеялась тут же, и долго не могла остановиться. Аж икать начала. Макс мне даже водички налил.

– Слушай, Раф ни на кого так не реагирует. Только на тебя, – вдруг начал он. – Просто поверь мне. И никого так не задирает. У него, наоборот, перед всеми в универе образ ну... балагура такого. Весёлого парня, но способного быть конкретным, если того требуют обстоятельства. К нему не лезут, и он обычно лоялен к людям. А тебя дразнит вот. К чему бы это, просвети?

Чем дальше Макс говорил, тем глубже был скепсис, проступивший на моём лице. В моём понятии действия Филатова мало походили под определение «дразнить».

– Может, это ты меня просветишь? Ещё заодно и скажешь, с какой целью на вечеринку притащил? А то в твоё «надо развеяться и влиться в коллектив» мне уже с трудом верится.

– И правильно, не верь мне, никому не верь, Кать, на сто процентов не надо. Но доверять можешь. У меня к тебе никакого личного интереса, только дружеский. Пошли на улице посидим, покурить хочу.

– Бросал бы ты эту дрянь. По-дружески советую, – в тон ответила я.

– Так недавно начал, рано ещё бросать. Дай наслажусь по

полной этой вредной привычкой. Отказаться всегда успеется.

Макс принёс наши куртки, и мы вышли на задний двор, где присели у бассейна на белый пластиковый шезлонг. Поверхность воды была спрятана под крышку, а может, её вообще сливали на несезон.

– Раф тебя искал, – через несколько затяжек выдал Макс, подтверждая мою теорию, что Филатов ему рассказал, что мы уже сталкивались.

От этих слов я разволновалась.

– Плохо, значит, искал. Искал бы лучше, нашёл, – ровно выдала я, пожимая плечами.

Ага, прикованной к жёсткой койке в районной больничке, и нашёл, а потом бы тут в Москве, уже на реабилитации.

Мне даже думать не хотелось, что случилось, если бы Раф реально меня обнаружил тогда. Ничего хорошего, наверное.

Я задрожала, а Макс меня приобнял. Действительно подружески, согревая теплом. Станный он был какой-то. Красавчик, конечно, но у меня не ёкало. Хотя видела, как девочки смотрели на него, а он особо не реагировал на их заискивающие взгляды. Типа не замечал.

– Может, тебе помощь какая нужна? По учёбе? – вдруг спросил он, а может, просто тему переводил. – Ты вон сколько пропустила.

– А ты типа отличник? Извини, не успела уловить.

Макс рассмеялся.

– Ни капли нет. Уччу только то, что мне интересно.

– А остальное?

– А что остальное? Ты знаешь, говорят, человеческий мозг не может воспринять больше четырёх направлений с новой информацией за один период. То есть выбирай четыре актуальные для тебя дисциплины, сосредотачивайся на них, а остальное всё – вода водой. Забей на неё.

– Ну, – я в шоке уставилась на Макса, – я так не могу.

– Комплекс отличницы?

– Типа того.

– Надо избавляться.

– Боюсь, это врождённое, – нервно хихикнула я.

Макс выпустил финальную струю дыма вверх и замер, разглядывая окна второго этажа. Я проследила за его взглядом, но в большинстве за стёклами было темно, и я не поняла, куда именно он смотрел.

– Идиот, – пробормотал Макс.

– Кто? – уточнила я.

– Да так, мысли вслух. Пошли обратно?

Он кивнул на здание, где веселился народ. Но мне не хотелось возвращаться и снова смотреть на Рафа и его девушку, или не девушку, да неважно, кем она ему там приходилась. Или сталкиваться с Машей, желающей вякнуть несколько гадостей в лицо.

– Отвези меня домой, а? – попросила Макса.

– Уверена?

– Абсолютно.

– Ну, поехали, – согласно мотнул он головой.

На обратной дороге у меня разболелась коленка, и я поняла, что замёрзла. Одеюсь слишком легко, каблуки эти дурацкие нацепила, хотя противопоказаны мне теперь подобные ходули. Навечно или нет, я пока не знала. В общем, я особо в трёп Макса не вслушивалась, даже прикорнула, пригревшись в машине, думая, что опрометчиво не захватила с собой лекарство.

Кстати, о таблетках. Кажется, я так увлеклась Рафом, что совсем забыла про вечернюю дозу.

Аккуратно выбравшись из постели, нашарила скинутые наспех тапочки и на цыпочках выбежала в коридор. Проклятый скрипучий пол сопровождал меня до самой кухни ногами на любой лад.

Да, так себе занятие – лежать без сна и прокручивать прошедший вечер в голове. Когда Раф ко мне заявился, я чуть дар речи не потеряла. Ну а потом реально потеряла, когда он меня перед собой разложил и сделал то, чего я в жизни ещё ни разу и ни с кем не делала.

Плеснув в стакан воды, я выдохнула, а потом закинулась колёсами и быстро всё проглотила. Пока ещё не могла совсем отказаться от обезболивающих, но мой лечащий врач сказал, что слезать с них я буду постепенно. А резко и не получилось бы. Эту боль в колене и спине порой невозможно было терпеть. Но я надеялась на лучшее. По крайней мере,

я хожу, это уже великая удача.

– Ты куда делась? Сбежала? – в дверях вдруг возник Раф: сонный, взъерошенный, в одних боксерах.

И я невольно сглотнула. Боже, ну что за тело!

Год назад он был крепким, подтянутым, но, скорее, жилистым. Теперь же подкачался: руки, пресс, спина – выглядели идеально.

– Воды попить решила, – отсалютовала стаканом и сделала короткий глоток.

– О, вода! Точно... – пробормотал он и подошёл ко мне, забрал стакан из рук и за пару секунд осушил до дна.

– Ещё? – уточнила я, и Раф кивнул.

Разделяваясь со вторым бокалом, приобнял за талию и прижался теснее, так что сквозь ткань ночнушки я явно ощутила его «приподнятое» настроение, кхм...

Он чуть наклонился, чтобы поставить стакан, не выпуская меня из своих рук, а затем губами прижался к плечу. Пробежался дальше, перемещаясь по ключице к шее и выше, пока не добрался до самых губ.

Горячий влажный язык ворвался в мой рот и расхозяйничался там на полную катушку. С тихим стоном я прижалась к Рафу, потёрлась телом о его тело, запустила пальцы в тёмные густые волосы, притягивая голову ближе.

Он оторвался от меня с мягкой усмешкой.

– А ты горячая штучка. Хочешь, повторим? – предложил он, слегка толкаясь в меня бёдрами.

И я вдруг настолько осмелела, что, прикусив губу, поиграла бровью с деланной ухмылкой. Ладонями прошлась по его спине, обхватила за талию.

– Может, теперь мой черёд? Хочу изучать мужскую анатомию...

Одна эта идея меня моментом поразила. Мне действительно было интересно и хотелось сделать ему приятное. Да мне и самой было бы это приятно. Хоть и боязно слегка. Ну что я могла продемонстрировать – неумёха? Опыт-то нулевой.

– Кать... – Раф вдруг сделался серьёзным. – Ты не обязана отвечать тем же.

– Да я сама хочу. Честно.

– Правда?

– Правда. Только я совсем не знаю, что делать, – дернула нервно плечом. – Но... ты ведь подскажешь?

О-о-о... и Раф подсказал. Ещё как подсказал и показал. И направил. И ему было очень хорошо. По крайней мере, те стоны, которые я выбила из него, об этом мне чётко сказали.

Занятие несколько меня утомило, так что, пристроившись на его плече, я быстро провалилась в сон, до последнего ощущая, как Раф неторопливо перебирает пальцами мои волосы.

* * *

Проспали мы почти до самого обеда, что было немудрено, так как полночи занимались то разговорами, то взаимным изучением тел. Раф всё-таки повторил, как и грозился ранее.

Не дал полностью провалиться в сон, взбудоражив поцелуями и откровенными ласками. Я всё ещё боялась, что он может захотеть пойти до конца, но Раф, вроде, не напирал.

Когда в дверь позвонили, я приоткрыла один глаз и подняла голову с подушки.

– Это доставка, – чмокнул меня в макушку Раф и пошёл открывать.

Ели мы прямо на кровати, уже при свете дня разглядывая друг друга.

– А какие у нас планы на сегодня? – уточнила я, не понимая, чего ещё ждать, ведь Раф не заговаривал о будущем. – Полдня уже прошло.

Мне тут же сделалось смешно: а я, получается, ждала таких разговоров? Ведь мы ещё прошлое не обсудили. И этой беседы я очень опасалась.

– На сегодня? – Раф нахмурился. – А что сегодня? Я как-то потерялся.

– Воскресенье.

– Воскресенье? Чёрт! – он аж подскочил, нагнулся к полу и взял телефон, чтобы посмотреть время. Облегчённо выдохнул. – Ещё час и надо спешить.

– Куда спешить? – я нервно поёрзала, ощущая лёгкий холодок настороженности.

– Да домой надо, с мелким сидеть. У меня повинность такая. Именно по воскресеньям. Бред, конечно. Сначала семейный, типа, ужин, потом мать с отчимом сваливают, а я с

Сашкой сажу. Ему два года стукнуло и это капец ходячий. Кстати, хорошо, что ходячий. Когда он ползал, было всё намного сложнее.

– Тебе доверяют ребёнка? – округлила глаза, а от сердца слегка отлегло.

Всё-таки семья – это семья, а не тусовки, вечеринки и компашки, куда он мог опаздывать. В прошлом году он мне немного рассказывал про мелкого брата, но без особых восторгов. Оно и понятно, какие восторги могут быть, когда между ними разница в семнадцать лет.

– Представь себе, – усмехнулся Раф и взъерошил волосы на макушке. – И это при наличии няни! Можешь вообразить? Обязаловка такая.

– Тебе не нравится? Напрягает?

– Нет, не напрягает, – он отрицательно помотал головой и, кажется, действительно не врал. – Я люблю мелкого и дома бывать тоже люблю, но тогда, когда хочу, а не когда мне ставят условия. Я итак на неделе к ним заезжаю, но мать ввела правило выходного дня после... ай... – отмахнулся он, будто взболтнул лишнего, – неважно, в общем.

– Нет-нет, ты давай договаривай, после чего? – поддела его плечом.

– После одного случая, назовём так. Это её способ проверять, что со мной всё в порядке, и я не попал в историю после пятничного и субботнего загула.

– А ты попадал?

– А ты любопытная, – он щёлкнул меня по носу. – Может, расскажешь, в какие истории ты попадала?

Я бы могла ему много чего рассказать, в том числе и про нашего общего друга Антона, но оно того не стоило. Взвесив все за и против, я решила оставить прошлое в прошлом, да и Раф пока об этом не спрашивал. А спросит, так выкручусь, скажу полуправду.

– У меня всё ровно и скучно.

– А почему ты с начала года на занятия не ходила?

Ну вот... интерес логичный, даже ожидаемый, но мой ответ мог потянуть за собой длинную цепочку других нежелательных вопросов.

– Восстанавливалась после травмы, – очень аккуратно произнесла я, – училась на дому. Мне предложили взять академку на год, раз уж поступила, но я отказалась и предпочла самостоятельно заниматься. Дистанционно. А как смогла, вышла.

– А там я.

– А там ты, – улыбнулась невольно.

– А что за травма? Ты поэтому лекарство пьёшь?

Что с ним поделать, с таким догадливым?

– Угу, упала неудачно, – отмахнулась я, – давай не будем об этом, ладно? Мне... неприятно вспоминать.

– Я пока отстану, но потом расскажешь, – улыбнулся уголком рта Раф, а после наклонился и поцеловал меня в шею, вызывая настоящую толпу мурашек. – Хочу знать о тебе

всё, – жарко прошептал на ухо.

– А я о тебе, звезда соц сетей.

– Да, я такой, – протянул он, а затем одним движением опрокинул меня на спину.

– Такой?

– И даже хуже.

– То есть, всё правда, что о тебе говорят?

– Абсолютная.

– А как же: не верить сплетням?

– Не в этом случае, – поддразнил он, пощекотав мои бока.

Пришлось отмахиваться от его ловких пальцев в полную силу, но Раф уже прижал меня к кровати, целуя и умиряя.

– А поехали со мной?

– Куда?

– К моим. С Сашкой сидеть.

– Ой, – я смущённо закусила губу. – Давай не сегодня. Я как-то так сразу не готова.

– Страшно?

– Очень, – искренне кивнула я.

Не способная вообразить, что сейчас поеду к Рафу домой, предстану перед его матерью и отчимом, я даже слегка испугалась. Всё было так стремительно.

– Тогда на следующей неделе давай? – предложил он.

– Посмотрим, – дала неопределённый ответ.

Через полчаса мы, наконец, выбрались из кровати, Раф сбегал в душ, а я убрала остатки еды в холодильник и сварила

ему кофе.

– Кать... по поводу того, что было год назад, – внезапно заговорил он, и я быстро перебила.

– Давай не будем, а? Ну, сглупила я. Прости меня, – прикусив губу, опустила взгляд, чтобы Раф не прочитал по глазам, что я действительно думаю, извиняясь за ошибку, которую не совершала.

Так всем будет лучше.

И мне в особенности. Я всё ещё боялась. И на то были свои причины.

– И насчёт Антона...

– Антон может быть весьма убедительным, – тут я не вра-ла, – а я дурочка, повелась. Всё, тут и обсуждать нечего. Я очень жалею, что поехала с ним.

Знал бы ты, Раф, насколько я жалею...

– Ладно, потом, – дипломатично отодвинул он тему на неопределённый срок.

Мы выпили кофе, а затем я его проводила. Мы целовались на пороге, как шальные, не в силах отлепиться друг от друга. Я даже на лестничную клетку вышла, когда Раф уже сбежал вниз, но запрокинул голову, чтобы посмотреть на меня. Приставил оттопыренные на манер телефонной трубки пальцы к уху, громко шепнув: «Позвоню», и вышел из подъезда.

Вернувшись в квартиру, я рухнула на диван, раскинув руки, будто птица крылья, сгребла подушку, на которой спал Раф, и счастливо улынулась.

Изнутри меня грело тепло. Это было так волшебно, так удивительно.

Глава 8

Мне безумно не хотелось уезжать от Кати, а, вернее, расставаться с ней даже на секунду. Если бы она согласилась, я бы взял её с собой. И пофиг на кучу вопросов от матери, удивлённые взгляды отчима; я ведь никогда девушек домой не приглашал, и ни разу ни с кем родных не знакомил.

Не знаю, что вчера на меня нашло, я просто пошёл напролом, и вот... получилось то, что получилось. И, в общем-то, неплохо.

Я даже усмехнулся собственным мыслям, чувствуя себя победителем по жизни. От сердца будто отлегло. Аж дышать легче стало. Словно мне вернули кислород.

Быстро добравшись до дома, я переоделся и, сев за руль, помчал к своим. Конечно, встрял в пробку на шоссе, но сегодня она меня не раздражала. Мысли всё вращались вокруг Кати. Уже изобрёл тысячу и один способ провести день вместе. И ночь, конечно. Куда же без ночей.

Моя сладкая девочка. Я, по понятным причинам, не стану напирать слишком сильно, но что-то подсказывало: долго Катя не продержится, как и я, впрочем. Мы оба перешагнём за черту или, вернее, переместимся на новый уровень.

Ох, об этом не стоило думать. Потому что перед глазами было что угодно, но не дорога. Постель, обнажённая Катя на ней, в ушах – её стоны, вкус и аромат кожи, шёлк волос,

стройные ноги, обхватившие мои бёдра.

Так... пора остановиться.

Мне реально захотелось притормозить. Так я и сделал, заехав на заправку, чтобы выпить стакан кофе и продолжить путь в более спокойном состоянии. Заодно и Кате позвонил, узнать, как дела. И, кажется, разбудил её. Утомил малышку. Она медленно бормотала в трубку, мол, у неё всё хорошо, а я как последний придурок выдал, что соскучился. Боже, я такой ерунды никому не говорил никогда, а тут – само вырвалось.

В доме родных меня ждал сюрприз. Мама в домашнем платье, совсем не готовая к выходу. И Олег Азарьевич, быстро хлопнувший по плечу и тут же скрывшийся в кабинете.

– Так, я не понял, а что происходит? – поднимаясь за мамой по лестнице на второй этаж, вопрошал я.

– Иди руки помой, с дороги же, и к Сашке в комнату заходи, – скомандовала она.

Мы с мамой были похожи разве что цветом волос. А так она была миниатюрной голубоглазой брюнеткой, весьма деятельной и предприимчивой, командовать тоже любила, но делала это нежно и ненавязчиво. Вот прямо как сейчас.

В детской застал маму склонившейся над кроваткой мелкого. Санька спал, шумно дыша. По его красному лицу и заложенному носу было сразу понятно – он заболел.

– Простыл, – констатировала мама. – Так что мы сегодня никуда не идём.

– Нет, ну нормально! – заложил я руки в карманы и возмущённо посмотрел на мать. – А сообщить можно было? Я же звонил два часа назад, почему ничего не сказала?

– Во-первых, тогда было непонятно, пойдём мы или останемся, и, во-вторых, как тебя иначе домой заманишь?

– Да я, вроде, и так добровольно приезжаю. Незачем меня заманивать.

– Не приезжаешь, а наезжаешь. Всё больше наскоками, да наскоками. Рафаэль, я тебя почти не вижу. И это тебе всего девятнадцать, что дальше будет?

– А дальше, мам, двадцать мне будет. У тебя вон, мелкий есть, – кивнул я на спящего брата. – Развлекайся, тискайся, он весь твой. Пока что...

– Пока что... – протянула мама, а затем подошла ближе и провела рукой по моим волосам, присмиряя чёлку. – Вы слишком быстро растёте, мальчики.

– С девочками, подозреваю, то же самое, – наклонившись, чмокнул мать в щёку, зная, что она этого ждала.

Меня, в общем-то, не напрягали эти нежности. У нас с ней всегда были хорошие отношения, даже доверительные, ну, насколько это возможно между матерью и сыном. Естественно, я ей всего не рассказывал, но знал, если решусь чем-то поделиться, она не станет наводить панику или кошмарить меня, а выслушает и выскажет мнение. Ровное, взвешенное, вполне адекватное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.